

HP45
102

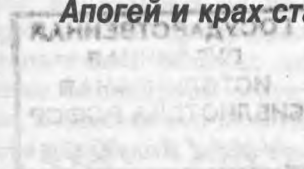
Российский государственный гуманитарный университет

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО:

ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАЗВИТИЕ,
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФИНАЛ

ТОМ 2

Апогей и крах сталинизма

История советского общества второй половины XX в. неразрывно связана с развитием военно-промышленного комплекса (ВПК). Этот термин впервые был употреблен в 1960 г. президентом США Д. Эйзенхауэром, который предупреждал американский народ об опасности возрастающего влияния военно-промышленного лобби на жизнь страны.

На Западе в те годы прошли бурные дискуссии по этой проблеме. Большинство исследователей подразумевали под ВПК результат сращивания различных социально-политических групп — профессиональных военных, владельцев крупных военно-промышленных компаний и правительственных чиновников, заинтересованных после 1945 г. в эскалации военных расходов. Ряд политологов трактовали ВПК как правящий класс, а в отдельных случаях как властную элиту общества или как бюрократию. Некоторые историки вообще отрицали существование ВПК в качестве более или менее организованной группы.

Именно в западной литературе предметом изучения стал и советский вариант ВПК. В работах советских авторов 60–70-х годов такая постановка вопроса вызывала резкое осуждение; в них ВПК был символом «военщины США»¹. Вопрос об отечественном ВПК даже не ставился. Военная индустрия СССР неизменно рассматривалась как оборонная промышленность, надежный щит отечества и стран социалистического содружества в целом. Положение изменилось только в конце 80-х: в ходе начавшей-

ся тогда перестройки самая закрытая и секретная часть советского общества медленно и с трудом становилась достоянием гласности.

Интерес к изучению сущности ВПК возник неслучайно. В США наиболее яростные дебаты вокруг проблем ВПК развернулись на рубеже 60–70-х годов в связи с крупными неудачами во вьетнамской войне. В России это произошло под влиянием тотального кризиса советской системы. В силу этого большинство публикаций были чрезмерно политизированными. Возлагая на военно-промышленный комплекс вину за все несчастья общества, вовлеченного в бессмысленную гонку вооружений, историки и публицисты не всегда свои выводы подкрепляли документами. В то же время они привлекли внимание общественности к роли ВПК в советском обществе, показали необходимость реформирования гигантской военно-промышленной машины, которая на протяжении десятилетий определяла ход экономического и политического развития страны. Российский читатель впервые познакомился с данными о составе и дислокации стратегических ядерных сил СССР, которые на Западе были известны уже давно.

В 90-е годы увидели свет мемуары ряда видных организаторов советского ВПК, ученых, специалистов, имена которых дотоле были известны на Западе, но никогда не появлялись на страницах отечественных газет, журналов, книг². И хотя стена прежней секретности не рухнула, многое стало известно. Правда, в отечественной литературе до сих пор преобладает представление о ВПК как об оборонном секторе народного хозяйства, который развивался лишь в целях защиты СССР и стран социалистического лагеря от капиталистического окружения во главе с США. В основу данной статьи положен принципиально иной подход к проблеме. ВПК рассматривается как своего рода суперструктура внутри советского общества. Она возникла, во-первых, в результате сращивания партийной, военной, государственной и хозяйственной бюрократии, и, во вторых, в ходе создания разветвленной военно-промышленной инфраструктуры по всей стране.

Неизученность ВПК дает исследователям возможность не только оказаться среди первооткрывателей. От-

меченное обстоятельство заставляет сосредоточиться на рассмотрении лишь некоторых важных вопросов. Важно в первую очередь показать причины и условия появления ВПК в СССР, основные факторы, определившие его развитие, главные направления и динамику гонки вооружений. Это позволит рассмотреть взаимосвязь политических изменений в жизни общества и развития ВПК. Учитывая сказанное, мы в основном рассмотрим, как возник ракетно-ядерный комплекс, который в годы холодной войны являлся главным стратегическим направлением противостояния двух военно-политических блоков, гонки вооружений.

Создание военно-промышленного комплекса СССР в определенной степени связано с вековыми историческими традициями России, наложившими неизгладимый отпечаток на взгляды и образ жизни всех слоев населения. Приоритет государства над обществом, имперские амбиции и связанные с этим гипертрофированные идеи национальной безопасности создали социально-психологические, экономические и политические предпосылки формирования ВПК.

Истоки советского ВПК уходят в 20–30-е годы, когда в СССР было создано специфическое общество — в нем господствовали одна форма собственности, одна партия, одна идеология, один вождь. В то время, а особенно в 30-е годы, форсированно развивалась оборонная промышленность и происходила милитаризация других отраслей народного хозяйства. Этот процесс был навязан экономике и обществу в определенных политических целях (здесь прослеживалась преемственность традиций Российской империи).

В середине 30-х годов военная промышленность начала оформляться в особую систему отраслей со специфическим финансированием, особорежимными секретными предприятиями, военные расходы которых выделялись в бюджете отдельной строкой и считались государственной тайной. Эти тенденции заметно усилились в годы военно-промышленного бума.

Одновременно на волне предвоенной милитаризации выдвинулась новая плеяда руководителей — молодых технократов, позднее вставших у руля послевоенного ВПК.

Среди них были такие известные руководители, как В.А. Малышев, Д.Ф. Устинов, Е.П. Славский, М.З. Сабуров, М.Г. Первухин, А.И. Шахурин, А.Н. Косыгин. Их выдвижение было связано как с организацией новых оборонных отраслей, так и с предвоенными чистками высшего командного состава Красной Армии. Большинство из них имели среднее или высшее техническое образование и определенный опыт работы в промышленности, что существенно помогло им впоследствии активно участвовать в создании новых военно-промышленных производств — ядерного, ракетного, радиоэлектроники.

Гонка обычных вооружений и перестройка экономики на военные нужды достигли апогея в годы второй мировой войны. Но, на наш взгляд, не этот фактор был ведущим в становлении ВПК как властной и социально-экономической структуры. В конечном итоге эта суперструктура оформилась в условиях, когда стало реальностью развертывание научно-технической революции (НТР) и возникновение биполярного мира. Это означало, что создавалась система двух противостоящих военно-политических блоков и принципиально новое оружие массового поражения — ракетно-ядерное. Именно это предопределило исторические судьбы ВПК, развитие которого впервые сделало реальной гибель земной цивилизации, что, в свою очередь, явилось сдерживающим фактором, не позволившим противоборствующим сторонам применить атомную и водородную бомбы.

Формирование ВПК стало атрибутом холодной войны и борьбы за новый «передел мира». Нормой было военное соперничество, неоднократно перераставшее в локальные кризисы. Апогеем проводившейся тогда политики явился Карибский кризис — мир впервые оказался перед реальной угрозой ядерной катастрофы. После 1962 г. наступило некоторое отрезвление политиков.

В рамках этого периода традиционно выделяют два этапа: конец эпохи Сталина, пик сталинизма (1946–1953 гг.) и начало оттепели, т. е. последующее десятилетие.

Но, как ни парадоксально, именно после смерти Сталина, когда руководство страны предпринимало попытки демократических преобразований в обществе, начался новый, невиданный ранее по темпам и размерам военно-

экономический бум. В результате с конца 50-х годов началось интенсивное саморазвитие ВПК, вскоре ставшее доминантой жизни советского общества. Тем важнее подчеркнуть, что если в первые послевоенные годы продолжались репрессии, применялись методы чрезвычайного управления страной, всеми сферами народного хозяйства, включая ВПК, то период, начавшийся в 1953 г., внешне был более спокойным и либеральным.

Важнейшей особенностью начального периода холодной войны являлось то, что это было время безраздельного господства Сталина. Вождь единолично формировал основные направления политики, в том числе и в области вооружений, жестко контролируя наиболее важные направления разработки стратегического оружия. Говорить о какой-либо самостоятельности военного и военно-промышленного руководства в 1945—1953 гг. не приходится. Стремясь усилить контроль над силовыми ведомствами, имевшими большую самостоятельность и влияние в годы войны, Сталин инспирировал ряд судебных процессов над военачальниками (авиационное дело, в частности осуждение маршала авиации А.А. Новикова, наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина и их окружения). Продолжением такой политики стало смещение Г.К. Жукова и ряда других героев войны.

Вместо них Сталин поставил на принципиально важные посты людей из своего ближнего круга, которыми он легко манипулировал (тактика перетасовки кадров была свойственна вождю на всех этапах его правления). Руководство сухопутными войсками было возложено на Н.А. Булганина, не пользовавшегося авторитетом ни среди профессиональных военных, ни в высших партийных кругах.

Одновременно высокие посты заняли другие верные соратники Сталина. Специальный комитет № 1 при Совете Министров, призванный заниматься атомными делами, возглавил Берия, спецкомитет № 2 по ракетной технике — Маленков. Эти люди, которые не были профессиональными военными, в середине 40-х годов стали верхушкой советского ВПК. Повинуясь Сталину, они претворяли в жизнь его планы участия СССР в ракетно-ядерной гонке.

На начальном этапе холодной войны характер этой гонки был связан с созданием, освоением и первыми ша-

гами по распространению новейшего оружия массового поражения. Однако методы мобилизации ресурсов в основном оставались прежними: рабско-феодалная эксплуатация большинства населения страны в форме всенародного соревнования во имя скорейшего восстановления разрушенной войной экономики и подъема материального благосостояния трудящихся.

Чтобы лучше представить себе ситуацию в стране к концу войны, вспомним известные цифры. За военные годы страна-победительница потеряла три четверти национального богатства. Были уничтожены, по официальным данным, 70 тыс. деревень и 1 710 городов. Промышленность была сильно разрушена на бывших под оккупацией территориях, а в остальной части почти полностью переведена на производство военной продукции. Общая численность населения СССР со 196 млн в 1941 г. сократилась до 170 млн в 1946 г., т. е. на 26 млн человек.

При этом реальные потери тщательно скрывались от народа. Подводя итоги войны в речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 9 февраля 1946 г., Сталин отметил успехи отечественной промышленности, сравнив индустриальное производство 1940 г. с 1913 г. Но ни слова не было сказано о послевоенном состоянии в экономике страны³.

В течение ближайшего пятилетия вождь пообещал восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства, обратить особое внимание на увеличение выпуска предметов широкого потребления. На самом же деле экономика восстанавливалась и развивалась совсем не для повышения благосостояния народа. Глобалистские замыслы Сталина, одержимого идеей мирового господства, выхода социализма за рамки одной страны, требовали утверждения статуса СССР как великой сверхдержавы. Для этого в наступивший ядерный век страна под руководством вождя должна была сосредоточить все усилия на овладении новым оружием массового поражения.

Решение столь беспрецедентной задачи требовало преодоления не менее сложных препятствий. Положение усугублялось тем, что СССР (в отличие от США) не имел возможности в годы войны сконцентрировать усилия на реализации атомного проекта. Не последним фактором,

определившим отставание в этой области, оказалось запоздалое осознание руководством страны всей важности и возможности создания этого нового оружия.

Но, когда осознание пришло, были приняты самые чрезвычайные меры. Теперь уже известно, как масштабно руководство страны использовало не только научный потенциал СССР. Не боясь преувеличения, можно сказать: на ликвидацию атомной монополии США энергично направлялись усилия всего советского народа, в том числе отечественных спецслужб⁴. Первыми об этом заговорили западные исследователи, которые уже в 50-е годы затронули тему советского «атомного шпионажа».

С новой остротой этот вопрос обсуждался в связи с публикацией в США в 1994 г. воспоминаний бывшего генерала КГБ П.А. Судоплатова, который в 40-е годы имел прямое отношение к получению материалов о ходе работ над атомной бомбой в США⁵. Используя ряд оригинальных документов из советских архивов и собственных материалов, автор показывает, что важнейшие сведения были получены НКВД и другими специальными органами с помощью работников советской разведки, вступивших в контакт с некоторыми создателями американской бомбы. Речь прежде всего идет о физиках, добровольно согласившихся «на утечку информации» ради равновесия сил в послевоенном мире. Многие ветераны советского атомного проекта и западные исследователи сочли такой подход к освещению прошлого оскорблением. Одних покорило принижение собственной роли в создании советской атомной бомбы; другим показалось, что отдельные американские ученые изображены предателями и шпионами.

Каковы бы ни были разногласия по этой проблеме, большинство авторов признает, что разведка сыграла существенную роль в 1942–1945 гг. — на начальном этапе советского атомного проекта. Особенно авторитетно мнение академика Ю.Б. Харитона, возглавлявшего коллектив атомного центра Арзамас-16. В 1994 г. в разгар споров он сказал: «Разведка позволила нашим физикам максимально сократить время, помогла избежать "осечки" при производстве первого атомного взрыва, имевшего огромное политическое значение. Разведка сделала И.В. Курчатова самым информированным физиком-ядерщиком, который,

зная достижения своих коллег, одновременно на важном этапе ядерной гонки был посвящен в результаты западных специалистов»⁶.

Однако многие исторические свидетельства и документы остаются недоступными для современного российского читателя. Так, журнал «Вопросы истории естествознания и техники» (1992. № 3), в котором опубликованы архивные документы по истории советского атомного проекта, был изъят из обращения, хотя западные авторы продолжают активно ссылаться на них, пользуясь экземплярами, успевшими поступить в продажу. Упомянутая книга П.А. Судоплатова, дважды изданная за рубежом, в России увидела свет лишь в сентябре 1996 г.

Создается впечатление, что до сих пор некие силы любой ценой хотят сохранить легенду о всемогуществе сталинского режима, способного решить любую, даже самую сложную задачу, к тому же в небывало короткий срок, опираясь исключительно на внутренние открытия, ресурсы, опыт и кадры.

Жизнь, однако, берет верх над дряхлеющими догмами. Большинство исследователей и ветеранов подтверждают: лишь применение американцами атомных бомб в Японии в августе 1945 г. сделало для сталинского руководства атомный проект программой № 1.

20 августа 1945 г. постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) был создан специальный комитет № 1, наделенный особыми полномочиями для ликвидации атомной монополии США. Его возглавил Берия, что свидетельствовало о крайней неотложности поставленных задач. Еще в годы войны, будучи заместителем председателя ГКО и наркомом внутренних дел, он приобрел большой опыт в мобилизации военной промышленности. Умелый администратор, Берия имел в своем распоряжении колоссальную силу, державшую в страхе все общество, — аппарат НКВД. С его помощью он мог оперативно мобилизовать ресурсы и осуществить контроль для энергичного решения задач первостепенной важности. По мнению партийно-государственного руководства, для этой цели как нельзя лучше подходила уже созданная и отлаженная репрессивно-охранительная система. Пригодилась и секретная практика тотальной слежки, фильтра-

ции, отбора кадров. Еще в 1944 г. НКВД начал отзывать с фронта специалистов по редким металлам, а с 1945 г. все работы по урану были переданы в ведение НКВД, который имел в своем распоряжении огромные ресурсы рабочей силы ГУЛАГа.

Принудительный труд стал одним из основных источников мобилизации рабочей силы для создания атомной промышленности, особенно в первые послевоенные годы, когда разворачивалось массовое строительство предприятий, городов, дорог. Тогда же впервые началась разработка урановых рудников.

Как вспоминал один из руководителей атомного проекта Б.Л. Ванников, Берия предлагал Сталину полностью передать руководство проектом в свое ведомство и создать с этой целью внутри НКВД специальное управление. Ванников осторожно возразил против такого предложения. Опытный нарком считал необходимым участие в руководстве проектом и в его реализации специалистов, а не только начальников НКВД и заключенных⁷.

Эти соображения импонировали Сталину, ибо он как всегда не был заинтересован в чрезмерном усилении власти одного человека или одного ведомства, действуя по принципу «разделяй и властвуй». В результате в состав комитета вошли секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков, заместитель председателя Совнаркома СССР М.Г. Первухин, председатель Госплана Н.А. Вознесенский, нарком боеприпасов Б.Л. Ванников, заместитель наркома внутренних дел А.П. Завенягин, научный руководитель программы начальник лаборатории № 2 АН СССР И.В. Курчатов, директор Института физических проблем академик П.Л. Капица. В этом составе чрезвычайный комитет фактически являлся суперструктурой, которая символизировала и отражала суть ВПК. В рамках вновь возникшего органа, наделенного огромными полномочиями, происходило вершущее сращивание стратегических и ведомственных интересов партийных и государственных руководителей с интересами представителей служб безопасности, хозяйственников, ученых. Однако на этом этапе в комитет формально не вошли представители военных (если иметь в виду начальников отдельных родов и видов войск). Частично это можно объяснить тем, что работы

находились на начальной стадии и были еще далеки от армейских испытаний и необходимости использовать полигоны.

Для повседневного руководства и координации работ по организации атомной промышленности 30 августа 1945 г. при Совнаркоме было создано Первое главное управление (ПГУ) во главе с Б.Л. Ванниковым. В состав ПГУ в основном вошли представители руководящего звена промышленности и НКВД: заместитель наркома внутренних дел А.П. Завенягин, заместитель члена ГКО по геологии П.Я. Антропов, заместитель наркома химической промышленности А.Г. Касаткин, заместитель председателя Госплана СССР Н.А. Борисов, заместитель наркома внутренних дел П.Я. Мешик. Позже в состав руководства ПГУ вошли заместитель наркома цветной металлургии Е.П. Славский, заместитель наркома черной металлургии В.С. Емельянов и начальник Главпромстроя НКВД А.Н. Комаровский.

В ведение ПГУ были переданы все ранее созданные лаборатории и объекты: лаборатория № 2 Академии наук, Государственный союзный проектный институт в Ленинграде и машиностроительный завод № 48 в Москве, крупнейший комбинат по добыче урановой руды в Таджикистане, прежде подведомственный НКВД, и один из секретных научно-исследовательских институтов.

Одновременно создавались различные объекты для научно-исследовательской и промышленной стадии атомного проекта: специальные конструкторские бюро (СКБ или КБ) на ленинградских заводах «Электросила» и им. Кирова и т. д. В конце 1945 — начале 1946 г. было принято постановление о строительстве под Арзамасом в поселке Саров исследовательского комплекса для конструирования ядерного оружия, на Среднем Урале — завода для получения обогащенного урана-235. Были выбраны площадки под строительство на Южном Урале первого промышленного реактора для выработки оружейного плутония.

Данная программа требовала предельной концентрации усилий многих министерств, НИИ, лабораторий. 9 апреля 1946 г. Совет Министров утвердил структуру ПГУ. Внутри управления наметилось четкое разграничение обязанностей между его членами. Так, Е.П. Славский от-

вечал за работы по получению графита для первых реакторов, П.Я. Антропов — за геологическую разведку и разработку урановых месторождений, А.П. Завенягин и А.Н. Комаровский — за строительство закрытых городов, сооружение засекреченных предприятий и институтов, а также обеспечение их рабочей силой.

Спецкомитет и ПГУ получили право без ограничения реквизизировать ресурсы любого сектора экономики на нужды создававшейся атомной индустрии. Нередко это приводило к столкновениям между представителями ПГУ и работниками различных отраслей, которые в ущерб ведомственным или местным интересам были вынуждены отдавать дефицитное сырье, менять планы и т. д. При этом они зачастую не знали истинных причин корректировок, осложнявших работу их предприятий. Сказывалась не только секретность заданий. Руководители атомного комплекса считали, что не следует создавать новые лаборатории и предприятия в тех случаях, когда нужную атомщикам продукцию можно получить на действовавших заводах с помощью заказов ПГУ. Так, А.П. Завенягин, склонный к юмору, не раз шуточно говорил, что организация атомной промышленности отличается от обычной схемы создания новых производств в других отраслях, поскольку в ней отсутствуют элементы времени.

В шутке заместителя Берии таилась большая доля правды: приходилось спешить. Такой подход сулил ускорение строительных и других видов работ, но сопровождался требованием дополнительных денежных расходов. Заказы ПГУ очень часто оплачивались без всяких смет и по самым высоким расценкам. Поэтому в ряде случаев они были выгодны тем гражданским предприятиям, которые, работая на ПГУ, восполняли нехватку финансов, необходимых для расширения своего производства, его обновления, а по возможности и для возвращения к показателям довоенного времени.

Сложилась парадоксальная ситуация: чрезвычайные органы, созданные с целью организовать производство нового оружия массового поражения, играли важную роль в восстановлении экономики. В целом, однако, доминантой периода, называвшегося восстановительным, было удовлетворение нужд атомной промышленности, а за-

тем ракетной и других отраслей советского ВПК. Таким образом, национальные интересы страны подчинялись политическим целям холодной войны.

С самого начала ВПК был скрыт от населения СССР плотной завесой секретности. Тем, кто сверхнапряженным трудом восстанавливали, скажем, Днепрогэс, было неведомо, что львиная доля электроэнергии пойдет на обеспечение военных отраслей.

Общество ничего не должно было знать о существовании секретной империи ВПК. В постановлении от 20 августа 1945 г. указывалось, что все работы, проводившиеся в сфере ПГУ и на предприятиях-смежниках, контролировались только спецкомитетом: «Никакие организации, учреждения и лица без особого разрешения ГКО не имеют права вмешиваться в деятельность Первого главного управления, его предприятий и учреждений или требовать справок о его работе или работах, выполняемых по заказам ПГУ»⁸.

Закрытые атомные города вырастали в глухих отдаленных местах, изолированных от внешнего мира, поскольку в таких условиях было легче организовать строго засекреченную зону. Вообще слово «зона» стало нарицательным и даже пугающим не только для тех, кто охраняли центры атомной промышленности, но и для местных жителей. Так, при организации первой из закрытых зон в Ленинабадской области Таджикистана все люди коренной национальности были выселены, а название поселка Табашары, где они раньше жили, было запрещено даже упоминать. Подобное случилось и с древним названием будущего Арзамаса-16 — Саров, которое распоряжением уполномоченного КГБ П.Я. Мешика было фактически стерто с географической карты⁹. Наименование этого объекта неоднократно менялось — «база», «контора», «почтовый ящик» и т. д. Жители привыкли к жизни в такой причудливой ирреальности. Поскольку упоминание старых названий стало опасно, люди старались избегать этого.

Арзамас-16, Красноярск-25, Челябинск-70 и другие атомные города оказались на самом высоком уровне секретности в иерархии советского общества, сверху донизу пронизанного феноменом государственной тайны. Вся система Первого главного управления при Совете Министров, будучи важнейшей составной частью ВПК, существ-

вовала вне контроля не только местных партийных и советских организаций, но и обычных хозяйственных, финансовых органов государства. Неслучайно в отчете за 1946—1947 гг. чиновники управления финансирования вооруженных сил при Совете Министров СССР, осуществлявшего в числе других ведомств финансирование расходов ПГУ и специальных лабораторий АН СССР, жаловались на «бесконтрольное финансирование» ПГУ «в связи с тем, что требуемые расчеты и отчетные материалы в министерство финансов не представляются»¹⁰.

Более того, специальным письмом от 8 мая 1948 г. руководство ПГУ запретило своим организациям давать какие-либо сведения об их деятельности в партийные и советские органы. На этой почве порой возникали конфликты и недоразумения. К примеру, руководство завода «Двигатель», подчиненного ПГУ, обратилось в ЦК КП(б) Эстонской ССР с просьбой подобрать для предприятия кандидатуру на должность парторга ЦК ВКП(б). В ответ республиканский ЦК потребовал от директора завода Кашуро и секретаря партбюро Долматова «справку, характеризующую профиль завода, его назначение, мощность и перспективы его развития, с указанием цифровых данных»¹¹. Руководство завода обратилось в отдел машиностроения ЦК ВКП(б), надеясь получить поддержку. Но в отделе сочли нецелесообразным устанавливать на этом предприятии должность парторга ЦК в силу малочисленности коммунистов в рабочем коллективе.

В партийных архивах содержится много документов аналогичного содержания. Так, секретарь Южно-Казахстанского обкома КП(б) Казахстана Сулейменов жаловался в ЦК партии М.А. Суслову на то, что строительство № 830 ПГУ (при этом он упоминает только номер, а расшифровка принадлежности объекта приводится уже в докладной записке отдела машиностроения секретарю ЦК Г.М. Маленкову) «абсолютно неподконтрольно партийным и советским организациям области», в силу чего нельзя проверить «сигналы» о злоупотреблениях начальника строительства Хаустова. В связи с этим обком просил разрешить местным партийным органам «взять под свой контроль и руководство строительство № 830 в вопросах партийно-политической работы и хода строительства»¹².

Однако Маленков решил иначе. Он поручил проверить жалобу силами работников ПГУ. По результатам проверки ПГУ внесло в ЦК предложение об освобождении Хаустова от обязанностей начальника строительства. Постановление ЦК ВКП(б) по этому вопросу состоялось 19 ноября 1949 г.

Множество подобных неурядиц осложняло и без того небывало трудную работу в ликвидации атомной монополии США. Это тем более важно подчеркнуть, что отечественными публицистами нарисована благодатная картина познания советскими учеными тайн атомного ядра во имя укрепления оборонной мощи СССР. Порой идеализируется сама обстановка чрезвычайности, воспеваются административно-командный стиль работы, возглавляемой лубянским маршалом и его ретивыми помощниками. В то же время американские ученые считали, что Кремль будет обладать атомным оружием на десять лет позднее, чем Белый дом, ставший монополистом в 1945 г. Они не ставили под сомнение талант и знания советских физиков, химиков, математиков, исследователей и практиков, но для них не являлись секретом разрушительные потери СССР во второй мировой войне. Не составляло большого труда определить степень отставания экономического потенциала Советского Союза от производственных мощностей США.

В этом отношении высказывания тех, кто создали первую в мире атомную бомбу, совпадают с точкой зрения наших журналистов и газетчиков. Но, опираясь на собственный опыт, ученые США брали во внимание и другое: исключительную важность культуры труда, степень квалификации рабочих, лаборантов, инженеров и, конечно, организаторов производственного процесса, управленцев. Наряду с этим учитывалась неизбежность колоссальных финансовых затрат, изыскание которых оказалось непростым делом даже для американских властей.

Для заокеанских аналитиков наиболее сложным оказался вопрос о том, как сможет СССР подготовить в короткий срок множество специалистов по ранее неизвестным специальностям для работы во впервые создаваемых отраслях? Где страна, понесшая в войне наибольшие потери, сумеет найти средства, чтобы за несколько лет преодолеть отставание и стать второй атомной державой? За

океаном преобладало мнение, что Советский Союз без предварительного восстановления народного хозяйства ядерное оружие не создаст.

Предположения, высказывавшиеся за рубежом, не подтвердились. Однако до сих пор в России не воздано должное подвигу наших соотечественников, сверхнапряженный труд которых поразил мир: уже в 1949 г. на Семипалатинском полигоне было успешно испытано советское атомное оружие. СССР подтвердил право считаться второй сверхдержавой мира. Но очерки об отдельных ученых и коллективах, решавших эту задачу, не могут дать целостное представление о масштабах и реалиях процесса, который на многие десятилетия предопределил дальнейшую судьбу не только советского общества, но и всего человечества.

Отсутствие работ, объективно показывающих этот процесс, отражает общие трудности развития исторической науки в России, в том числе на современном этапе. Чтобы описать путь от создания спецкомитета № 1 в августе 1945 г. до испытания в Казахстане, состоявшегося через четыре года, надо не только рассекретить, но и изучить множество архивных документов. Без этого нельзя описать деятельность партийных и государственных органов в центре и на местах, работу силовых ведомств и спецслужб, роль ГУЛАГа в решении атомной проблемы, жизнь закрытых городов и т. д. Речь идет не об освещении отдельных тем или проблем, а о написании истории советского общества, которая уже в первые годы холодной войны всецело была связана со сталинским курсом на победоносное соревнование двух лагерей. Создание советской атомной бомбы не являлось самоцелью, оно было важнейшим шагом на ранее намеченном пути.

Научное осмысление данного решения и последующих событий еще только начинается. Историкам предстоит преодолеть немало объективных и субъективных трудностей, но начало положено. Сегодня мы достоверно знаем, с какой решимостью вождь бросил все ресурсы разоренной страны на создание атомной индустрии. Хорошо известно и то, что осенью 1945 г. советское руководство получило от английского гражданина К. Фукса, имевшего непосредственное отношение к Манхэттенскому проекту,

подробное описание атомной бомбы, а также сведения о производстве в США урана-235 и плутония.

Эта информация, полученная от опытного исследователя (работал он, кстати, бескорыстно и отказался получить от Москвы какое-либо материальное вознаграждение), имела огромное политическое значение: на ее основе советские спецслужбы вычислили, сколько атомных бомб смогут произвести американцы, когда это произойдет. Было установлено, что США и Великобритания способны накопить достаточное количество ядерного оружия для нападения на СССР не ранее 1955 г.

Была ли в этих условиях необходимой безудержная погоня за атомной бомбой, предпринятая в обескровленной стране, крайне нуждавшейся в восстановлении экономики и нормального жизненного уровня? Правительство СССР хорошо знало о бедственном положении трудящихся во всех союзных республиках. В 90-е годы впервые были опубликованы материалы, подтверждающие этот вывод. Ситуация усугублялась тем, что в 1946—1947 гг. страна, в которой большинство населения занималось главным образом деревенским трудом, пережила массовый голод. Он охватил не только сельские районы, но и Москву, Ленинград, столицы республик, города Сибири. Снижения цен на продовольствие, обещанное Сталиным, не произошло: наоборот, цены в сентябре 1946 г. были повышены в 2—2,5 раза. В охваченных голодом районах РСФСР, Украины, Молдавии проживали около 20 млн человек. В 1947 г. численность населения этих районов уменьшилась по сравнению с 1946 г. на 5—6 млн человек (как за счет бегства в другие районы, так и в связи с высокой смертностью).

Мы не утверждаем, что голод был прямым следствием гонки вооружений, но в любом случае она вытягивала последние соки из разоренной деревни. В 1948 г. сельхозналог по сравнению с 1947 г. вырос на 30 %, а к 1950 г. — в 2,5 раза¹³. Даже после отмены карточной системы (декабрь 1947 г.) сохранялись своеобразные формы крепостничества, закрывавшие сельскому населению путь в город: существование прописки, лишение крестьян паспортов и т. д.

Резонно предположить, что, если бы советское ядерное оружие было испытано не в 1949 г., а двумя-тремя годами

позже, соревнование с США не сопровождалось бы такими жертвами со стороны советского общества. Но официальная пропаганда настойчиво ориентировала страну на скорейшую ликвидацию атомной монополии США. Американский империализм был объявлен врагом № 1, который способен использовать свое военное преимущество прежде всего против родины мирового социализма. Именно в таких условиях создавалась новая отрасль и один из главных оплотов ВПК — атомная промышленность.

В ходе создания закрытой атомной империи формировались специфические социальные группы, непосредственно связанные с ВПК. Их объединяли особые корпоративные интересы и психология. Из-за закрытости и секретности системы они вели замкнутый образ жизни (не выезжали за границу, не встречались с зарубежными учеными, лишь изредка участвовали в заседаниях Академии наук СССР и т. п.). Даже те из них, кто были избраны депутатами Верховного Совета СССР, не имели права общаться с избирателями. Только в середине 50-х годов этот режим несколько смягчился. Страна узнала имена некоторых выдающихся ученых-физиков. Появление И.В. Курчатова на трибуне XX съезда КПСС было подлинной сенсацией. Международный резонанс имело его выступление в Лондоне, куда руководитель советского атомного проекта прилетел в составе правительственной делегации, возглавляемой Хрущевым.

Конечно, элита, о которой идет речь, пользовалась относительной «свободой» и при Сталине, поскольку вожди и его подручный Берия знали, что этих людей никто не заменит у руля атомного проекта. Да и работали ученые не за страх, а за совесть. Можно согласиться с американским исследователем Д. Холлуэем, автором книги «Сталин и атомная бомба», что участие советских физиков в урановом проекте позволило им сохранить «островок интеллектуальной автономии в тоталитарном обществе»¹⁴.

Самоотверженная работа по восемнадцать часов в сутки была будничной нормой для инженеров, техников, рабочих, ученых, трудившихся над созданием ракетно-ядерного могущества СССР в противовес «атомной монополии США». Их общий настрой отчетливо выражен в воспоминаниях трижды Героя Социалистического Труда выдаю-

щегося общественного деятеля академика А.Д. Сахарова. Присоединившись к ядерному проекту в 1948 г., когда «атомное оружие в нашей стране было уже на выходе», он затем играл ведущую роль в создании советской водородной бомбы (отсюда и обилие наград и высокое звание академика в молодом возрасте). В этой «большой коллективной работе», — писал Сахаров, — принимало участие огромное количество людей — и чрезвычайно инициативных и прилагавших огромные усилия. Я тоже прилагал огромные усилия, потому что считал: это нужно для мирового равновесия... Я и другие думали, что только таким путем можно предупредить третью мировую войну»¹⁵.

Работали, действительно, самоотверженно, мало заботясь о своем здоровье, слишком часто забывая об опасности облучения. Яркий пример тому короткая жизнь академика В.Г. Хлопина. Он родился в 1890 г. в Перми. Окончил Ленинградский университет, связав свою жизнь с радиохимией. Вместе с В.И. Вернадским создал в 20-е годы Радиевый институт, который возглавил в 1939 г. Через год он уже руководил Урановой комиссией. Его научные труды имели важное значение для успешного продвижения советского атомного проекта. В 1949 г. в числе первых физиков Хлопин был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Ему поручили создать под Челябинском крупнейший центр, аналогичный Арзамасу-16. Увы, работа с плутонием оборвала его жизнь в 1950 г., когда ему было 60 лет.

В таком же возрасте ушли из жизни и трижды Герой Социалистического Труда К.И. Щелкин и И.В. Курчатов... Скорбный список легко пополнить, тем более что рядом с выдающимися учеными и под их началом изо дня в день, порой без выходных и отпусков, трудились десятки, а позже сотни тысяч рядовых ученых, инженеров, рабочих. В конце 1948 г. в системе ПГУ работали 55 тыс. человек (без учета строителей, в основном военных и заключенных), а также сотрудники более 100 привлеченных организаций. Об общей численности можно судить по такому примеру: комбинат в Челябинске-40 в 1947 — 1948 гг. возводили около 45 тыс. человек¹⁶.

Население атомно-ракетных городов формировалось в добровольно-принудительном порядке. Вопрос, ехать или не ехать по распределению в тот или иной закрытый

центр, не вставал. С партработниками и офицерами госбезопасности не спорили. Е.П. Славский, один из организаторов атомной промышленности, свыше 30 лет руководивший министерством среднего машиностроения, писал об этом: «Огромное число ученых, крупных инженеров из народного хозяйства, многих так же, как и меня, пока не понимавших, но проявивших себя в своем деле талантливо, отбирали, привлекали. По линии режима до десятого колена проверяли... Трудно было привлекать к нам выдающихся ученых, инженеров — все страшно боялись, особенно ученые, они попадали как бы в изоляцию»¹⁷.

Сочетание энтузиазма с дисциплиной военного времени большинство работавших воспринимали как естественное состояние, вызванное холодной войной, которую социализму навязывал Запад. Мобилизация ресурсов в такой обстановке подразумевала и жесткий контроль со стороны карательных ведомств и высокую меру ответственности. Поэтому никто не удивился, что Берия, прибыв в 1949 г. на первый диффузионный завод, сказал на встрече с местным руководством: «Все, что вы просили и требовали, страна дала вам в избытке при всех своих трудностях. Поэтому даю вам срок три месяца на решение всех проблем по запуску завода. Но предупреждаю: не выполните — готовьте сухари. Поощады не будет. Сделаете все как надо — наградим»¹⁸.

Всем было хорошо известно, что Берия слов на ветер не бросает. После первого успешного испытания советского ядерного устройства РДС-1 (что, по одной из версий, означало «Россия делает сама») участники проекта были награждены. Легенда гласит, что Берия распределил награды следующим образом: те, кто в случае неудачи испытания подлежали расстрелу, получили звание Героя Социалистического Труда; те, кто получили бы максимальные сроки заключения, были награждены орденом Ленина, и т. д. Даже если эта версия не вполне достоверна, она позволяет лучше представить себе обстановку, в которой работали создатели советской бомбы.

Первое советское ядерное устройство, которое, строго говоря, не являлось бомбой, было испытано прежде всего в политических целях. Как известно, для максимального ускорения ее создания Сталин принял решение скопировать уже известный американский вариант устройства.

Аналогичная ситуация сложилась и при разработке первой советской баллистической ракеты дальнего действия, которая была сконструирована по образцу немецкой ФАУ-2, хотя одновременно создавались более совершенные отечественные образцы. Копией американского самолета Б-26 стал советский дальний бомбардировщик ТУ-4. По мнению авторитетных ученых, заимствование иностранных образцов нанесло ущерб научному и техническому прогрессу СССР, существенно удорожило производство первых образцов. Но у Сталина были иные расчеты. Он не просто спешил получить искомый результат. Вождь был поразительно недоверчивым человеком, особенно когда явно ощущал слабость или даже полную нехватку своих знаний. Механизм атомного взрыва или, скажем, ракетная техника к таковым относились в первую очередь.

Сталин считал: воспроизвести то, что уже сделано другими, проще, чем неизведанными путями создавать свое. К тому же спецслужбы поработали отлично. Особой удачей стала находка на Дальнем Востоке американского самолета, упавшего в болото в конце войны и оставшегося целым и невредимым. Предложение А.Н. Туполева создать в короткий срок отечественную машину более высокого класса генералиссимус решительно отверг. «Если вы, — предупредил он конструктора, — измените в самолете, о котором идет речь, хоть один узел и он не будет соответствовать образцу, я вновь отправлю вас в тюрьму»¹⁹.

Судя по всему, Сталин полагал, что создание такой копии уже свидетельство уровня и качества работы ученых и тех коллективов, которые заняты сверхважной работой, направленной на упрочение СССР как державы, конкурирующей с США. Ради этого можно было не жалеть народные средства, в том числе на использование «трофейных» ученых, инженеров, рабочих.

Иностранных специалистов, прежде всего немецких, привлекали главным образом к созданию первых образцов советского ракетно-ядерного оружия. Им даже предоставляли льготные условия: в закрытых поселках для них строили финские домики, выделяли особые пайки, обеспечивали наиболее высокими окладами и т. д. Вообще жители закрытых городов (кроме, конечно, заключенных)

находились на привилегированном положении по сравнению с большинством населения страны. В первые послевоенные годы они еще жили, как правило, в бараках (правда, высшее начальство — в коттеджах), но в 50-е годы и позднее на территориях закрытых городов строились благоустроенные дома, детские сады, спортивные сооружения и т. д.

Когда один из создателей первой бомбы инженер В.И. Жучихин приехал в 1947 г. из голодной Москвы в будущий Арзамас-16 (тогда КБ № 11), его поразило увиденное: условия для работы были созданы самые благоприятные, все работники получили жилье, льготные карточки на продовольствие и одежду.

Зарплата среднего инженера составляла в то время 1 300 рублей. Многие высококвалифицированные рабочие получали в 2—3 раза больше²⁰. Персональные оклады для ведущих конструкторов в ряде военных отраслей в 1946—1947 гг. составляли от 5 до 10 тыс. рублей. Средний заработок рабочего в СССР был в несколько раз выше, чем у колхозников и совхозных рабочих²¹.

Таким образом, работник сферы ВПК всегда обеспечивался лучше труженика, занятого на несекретном производстве. В наиболее привилегированном положении (имеется в виду жилье, быт, условия отдыха и т. д.) находились жители закрытых городов. В остальном при Сталине все общество оставалось закрытым от внешнего мира; поездка за границу, туризм были исключением. Может быть, венцом закрытости стал принятый в 1947 г. закон, запрещающий браки с иностранцами.

Соблюдение такой сверхсекретности в значительной степени обуславливалось успехами советских атомщиков, сумевших на рубеже 40—50-х годов по ряду направлений опередить американских коллег. Последнее обстоятельство активизировало деятельность заокеанских спецслужб, которые в свою очередь начали охотиться за секретными сведениями о лабораториях и предприятиях СССР, разрабатывавших новые образцы ракетно-ядерного оружия, зачастую действительно превосходившие по своим тактико-техническим характеристикам разработки зарубежных ученых.

Наиболее ярко это проявилось в решении ракетной проблемы. Уже при создании ядерного оружия на повест-

ку дня встал вопрос о его носителях — средствах доставки к цели. В США был взят курс на использование и совершенствование дальних бомбардировщиков, в СССР предпочтение отдали ракетам. Россия и раньше имела хорошие традиции в разработке ракетной техники. В 30-е годы прежний опыт приумножили Группа по изучению реактивного движения (ГИРД), Реактивный институт (накануне войны переименованный в НИИ-3), авиационное конструкторское бюро В.Ф. Болховитинова. Успешно занимались разработкой ракетной техники талантливые ученые, инженеры, конструкторы: Ф.А. Цандер, М.К. Тихонравов, Г.Э. Лангемак, С.П. Королев, В.П. Глушко и другие.

Однако накануне войны ракетчики попали в немилость к вождю в связи с «делом» Тухачевского, который активно помогал первым научно-техническим обществам по изучению реактивного движения. В 1933 г. арестовали инженера-конструктора В.П. Глушко; его осудили на восемь лет исправительно-трудовых лагерей «за участие в контрреволюционной организации». Через год такой же срок получил старший инженер того же института С.П. Королев. Обоим повезло: в 1944 г. за ценную работу, имевшую «важное оборонное значение», их освободили. Они оказались в большой группе специалистов (директоров заводов, руководителей цехов, лабораторий оборонного профиля, инженеров, конструкторов), которых Берия представил Сталину к освобождению с последующим направлением на работу в авиапромышленность²².

Но поработать в этой сфере им почти не пришлось. Вскоре по воле того же руководства они получили офицерские звания и оказались в Германии, где занимались поисками и изучением новейшей техники. Как и в случае с атомной бомбой, стратегическое значение ракетной техники было осознано руководством страны не сразу. Однако в 1945 г. при дележе военных трофеев, когда США вывезли из Германии документы и оборудование ракетного центра, а заодно и «отца» германских ракет ФАУ В. фон Брауна, Кремль активизировался²³. Стремление не отстать в освоении наследия «третьего рейха», получить свою часть добычи реализовалось, в частности, направлением в Германию в июле 1945 г. большой группы отечественных специалистов по ракетам, двигателям, системам управления, назем-

ному оборудованию. В их числе были М.К. Тихонравов, В.П. Глушко, С.П. Королев, В.П. Бармин, А.М. Исаев, Н.А. Пилюгин — будущий цвет отечественного ракетостроения. Приехал и В.И. Вознюк, вошедший в историю как первый начальник ракетного полигона в районе села Капустин Яр Астраханской области. (Там позднее испытывались первенцы отечественного ракетостроения времен холодной войны.)

Подобной работой занимались и приехавшие в Германию наркомы, в частности Д.Ф. Устинов, А.И. Шахурин, И.Г. Кабанов. Первый из них представлял наркомат вооружения, второй — авиационной промышленности, третий — электропромышленности, т. е. именно те ведомства, которые, как теперь известно, особенно тесно соприкасались с ракетной техникой. Однако это выявилось далеко не сразу, ибо по штатному расписанию у каждого из них и так было очень много обязанностей, а о свободном времени они и не мечтали. В итоге подчиненные Кабанова занимались радиооборудованием, электротехникой, радарам. Авиаторы смотрели на немецкие ФАУ-2 свысока, воспринимая их как не очень оправдавшее себя оружие, да и вряд ли перспективное в лётном деле²⁴.

Верховный главнокомандующий, кадровая политика которого всегда изобиловала интригами, использовал пассивность и оплошность, которую допустили нарком авиационной промышленности и курировавший этот наркомат член Политбюро ЦК ВКП(б) Маленков. И когда на высшем уровне состоялся разбор «авиационного дела», Шахурину и Маленкову было предъявлено обвинение в халатности, якобы сознательно допущенной ими при оценке перспектив использования германских ракет. Принципиально поному действовал одаренный и государственно мыслящий молодой генерал-полковник Д.Ф. Устинов. Люди из окружения наркома вооружения быстрее поняли масштабность и дальновидность Глушко, Королева, Исаева, других ракетчиков, приехавших по линии авиапрома, но не получивших должной поддержки своих прямых начальников. Едва ли не сильнее всех заболел ракетами В.М. Рябиков, неизменный заместитель Устинова на протяжении всей его карьеры. Он и помог понять наркому, что ракеты — это не детище авиации и не продолжение

артиллерийской техники. Рождалась новая отрасль, смежная с названными, но в будущем абсолютно самостоятельная и в военном отношении крайне важная.

Устинов долго обдумывал, что и как сказать Сталину. Наконец, в апреле 1946 г. решился и записался на прием. Успех превзошел все ожидания наркома и его единомышленников. Уже 13 мая 1946 г. ЦК ВКП(б) и Совет Министров приняли решение, согласно которому главный комплекс организационных мероприятий по созданию нового вида стратегического оружия был передан в министерство вооружения (тогда еще наркомат). Руководителем ракетного производства стал Д.Ф. Устинов²⁵.

Постановлением предусматривалось создание центрального координирующего органа по реактивной технике — Комитета по реактивной технике при Совете Министров СССР, в дальнейшем переименованного в специальный комитет № 2. Состав его во многом был таким же, как состав атомного комитета. Председателем был назначен член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленков. В комитет вошли руководители основных министерств, занятых разработкой реактивных вооружений: уже упоминавшийся Д.Ф. Устинов, И.Д. Зубович, бывший до этого первым заместителем наркома электропромышленности, П.Н. Горемыкин, министр сельскохозяйственного машиностроения, а также заместитель председателя Госплана СССР П.И. Кирпичников. Включенный в состав комитета заместитель министра внутренних дел И.А. Серов являлся заместителем главноначальствующего советской военной администрации в Германии по делам гражданской администрации; он должен был обеспечивать условия для работы институтов, лабораторий и заводов по реактивной технике в Германии. Ученых в комитете представлял академик А.И. Берг, директор Института радиотехники и радиоэлектроники АН СССР. Единственным отличием от атомного комитета стало то, что в состав нового комитета вошел представитель военных — начальник Главного артиллерийского управления и первый заместитель командующего артиллерией Н.Д. Яковлев.

Это же решение узаконило план опытных работ по реактивной технике на 1946—1950 гг., которым намечалось

строительство первого специального полигона министерства вооруженных сил в Капустинном Яре.

С учетом опыта, приобретенного спецслужбами, охранявшими тайны атомного проекта, работы по реактивному вооружению также были окружены плотной завесой секретности. В постановлении указывалось, что «никакие учреждения, организации и лица, без особого разрешения Совета Министров, не имеют права вмешиваться или требовать справки о работах по реактивному вооружению».

В 1946 г. С.П. Королев был назначен главным конструктором стратегических ракет дальнего действия. Это направление интересовало руководство страны больше всего. Головным ведомством стал комплекс, организованный на базе завода № 88 министерства вооружения в подмосковном Калининграде. Все остальные производственные задания с завода были сняты. Из-за этого между министерством вооружения Устиновым и достаточно могущественным представителем партийно-государственной номенклатуры секретарем Московского комитета ВКП(б), председателем Моссовета Г.М. Поповым возник конфликт. Попов хотел организовать на упоминавшемся заводе производство трамвайных вагонов. Однако вопреки решению правительства о сокращении военного производства в 1946 г. Устинову удалось отстоять интересы реактивного дела. Помог Сталин.

В 1947 г. Попов предложил изготавливать гусеничные тракторы на заводе радиолокационного оборудования министерства вооружения и на заводе по выпуску реактивных авиационных двигателей, находившемся в подчинении Минавиапрома. Теперь уже два министра — Устинов и Хруничев — объединились против московского руководства и снова при поддержке Сталина одержали победу²⁶. Неприглядные тяжбы с вызовом различных комиссий, применением административных методов и другими мероприятиями продолжались и в дальнейшем. Как свидетельствуют архивные документы, Устинов чувствовал себя уверенно. В итоге гражданские власти проиграли, а милитаризация Москвы и Московской области продолжалась усиленными темпами.

Уже в 1946 г. подмосковный Калининград — основная база НИИ-88 — стал превращаться в закрытый город.

Вслед за этим на базе военного городка на острове Городомля (оз. Селигер) Калининской области министерство вооружения организовало филиал НИИ-88, в котором жили и работали вывезенные из Германии специалисты по реактивному оружию.

Оценивая степень использования советскими ракетостроителями немецкого опыта, следует помнить, что первые отечественные ракеты дальнего действия были собраны по немецкому образцу, но на практике они не использовались и на вооружение не принимались.

Принципиально важным для дальнейшего развития ракетной отрасли стало совещание в Кремле 14 апреля 1947 г. Как вспоминал Королев, участвовавший в этой встрече, Сталина «интересовали скорость, дальность и высота полета, полезный груз, который ракета сможет нести. Особенно с пристрастием он расспрашивал о точности ее попадания в цель». Приблизительно в это же время Сталин и отдал предпочтение ракете перед самолетом в споре о носителе ядерного заряда, который должен был доставить оружие массового поражения в логово «вероятного противника». Таковым считались прежде всего США, что и объясняло особый интерес к дальности полета ракет. Принятые тогда директивы оказали прямое воздействие на эскалацию нового витка милитаризации народного хозяйства.

Следствием явилось не только резкое увеличение объема капиталовложений в военную промышленность, но также изменение структуры народного хозяйства: быстрое возрастание удельного веса отраслей, работавших на оборону. Слово «оборона» как всегда понималось условно: в одном случае оно прикрывало наступательные военно-политические замыслы Сталина, в другом случае — отпор с последующим контрударом. При всех вариантах курс на форсированное создание стратегических ракет дальнего действия был необходим.

С 1947 г. резко возрос объем финансирования работ, направленных на развитие ракетной техники. Планы в этой области день ото дня менялись в сторону их увеличения, внося большую путаницу в деятельность организаций различного подчинения, каждая из которых требовала перераспределения средств в свою пользу. Разрознен-

ные цифры не дают права на обобщения, но порой помогают понять некоторые важные тенденции. В связи с этим заметим: на строительство центрального полигона в Капсустином Яре в 1947—1948 гг. было выделено 158,8 млн рублей. Из другого документа следует, что в 1947 г. капитальные вложения достигли 275 млн рублей. Строительство типового школьного здания обходилось в те годы примерно в 300 тыс. рублей.

Всего в 1946—1947 гг. было освоено 38 образцов ракетного оружия; более двух третей из них составляли новые разработки. Главными организациями, выполнявшими эту огромную работу, были три министерства: вооружения, авиапромышленности и сельскохозяйственного машиностроения.

На предприятиях, связанных с производством ракет, уже в 1948 г. закончился краткий период мнимой послевоенной конверсии, которая избавила их от устаревшей техники и технологий. Трудовые коллективы этих предприятий оказались вовлеченными в форсированную гонку с целью опередить США в производстве новейшего ракетно-ядерного оружия. Заводы, переводимые на выпуск различных видов реактивного вооружения, освобождались от выпуска гражданской продукции.

Энергичные шаги в создании атомного оружия и ракетной техники потребовали развертывания других отраслей промышленного производства, среди которых особое значение приобретали предприятия, призванные решать проблемы радиолокации. Появление ракет, скорость которых во много раз превышала скорость истребителя, требовало оснащения армии приборами, которые могли бы своевременно и оперативно контролировать движения отечественных ракет, равно как и безопасность воздушных границ СССР.

Определенный опыт ко второй половине 40-х годов уже был накоплен. Первоначально радары применялись в Англии при отражении налетов германской авиации. Предварительное оповещение населения Лондона и других городов не только уберегло жизни многих людей, но и подняло моральное состояние населения. Само собой разумеется, радары способствовали эффективности противовоздушной обороны англичан. Черчилль с гордостью

говорил о том, что Англия является родиной радиолокации. С ним можно согласиться только в одном: англичане первыми применили радиолокацию для массового использования нового вида обнаружения приближающихся самолетов и кораблей (как днем, так и ночью).

Академик П.А. Капица писал Сталину в 1946 г. о серьезных просчетах в научно-технической политике советского руководства, в частности в области радиолокации. Опубликованные позднее материалы свидетельствуют о том, что еще летом 1933 г. на имя народного комиссара обороны СССР К.Е. Ворошилова был представлен доклад, обосновывающий возможность применения радиоволн для обнаружения самолетов. Вскоре состоялась встреча руководителей наркомата с молодым изобретателем П.К. Ощепковым. Как писал впоследствии этот талантливый человек, его сразу же поддержал заместитель наркома обороны М.Н. Тухачевский, поразивший новатора острым и ясным умом, способностью быстро понять и оценить суть предлагаемой идеи²⁷.

Как всегда не обошлось без скептиков, но активная поддержка Тухачевского позволила получить значительную по тем временам сумму на организацию работ для создания приборов радиобнаружения. В 1934 г. в одном из советских военных журналов открытого пользования Ощепков опубликовал статью о принципах и путях создания аппаратуры, ставшей предтечей будущих радаров.

По просьбе военных к разработке новой проблемы подключилась АН СССР. Идею активно поддержали президент академии А.П. Карпинский, академики С.И. Вавилов, А.Н. Крылов, А.Ф. Иоффе. 16 января 1934 г. в Академии наук состоялась встреча работников РККА, занимавшихся противовоздушной обороной, с группой ученых, представлявших научную общественность страны. Сохранился итоговый документ этой встречи, которая состоялась на 10 лет раньше появления английских радаров. Примечательно его название — «Протокол совещания у академика А.Ф. Иоффе по вопросу использования средств обнаружения самолетов ночью, в условиях плохой видимости и на больших высотах для целей противовоздушной обороны»²⁸.

Многие имена присутствовавших на заседании были и тогда известны не только в СССР, но и за рубежом.

Не менее характерно другое. В обсуждении принял участие будущий академик и лауреат Нобелевской премии Н.Н. Семенов, который в 1940 г. начал «беспокоить» правительство СССР письмами о важности урановой проблемы. То же самое следует сказать о молодом научном сотруднике физико-технического института Ю.Б. Харитоне, который позднее вошел в историю как создатель советской атомной бомбы.

В ту пору, когда в СССР начались первые работы по радиообнаружению и изучалась возможность использования электромагнитных волн короткой длины для выявления воздушных целей, подобные исследования за рубежом еще не проводились. Осенью 1934 г. советское правительство приняло решение о промышленном производстве пяти опытных станций электромагнитного обнаружения самолетов.

Через несколько лет такой же шаг был сделан в США и Англии. Тем удивительнее то, что советское правительство в 1941 г. закупило радарные станции за границей. Именно тогда в обиход и вошло иностранное слово *радиолокация*. Произошло это отнюдь не случайно²⁹. Репрессии второй половины 30-х годов существенно затормозили переоснащение Красной Армии новейшей техникой. На долгие годы от любимого детища были оторваны изобретатель Ощепков и многие его товарищи по работе. Страдали не только отдельные люди и научные идеи. Задолго до гитлеровской агрессии страна понесла тяжелейший урон, восполнять который пришлось в экстремальных условиях и чрезвычайными мерами.

Сталин болезненно реагировал на любые сообщения, свидетельствовавшие об изъянах в деятельности войск противовоздушной обороны в начальные годы отечественной войны. Отсутствие радиолокационных систем негативно сказывалось и на действиях военно-морского флота. Генералиссимус не мог не знать о том, как и почему была сорвана первопроходческая работа в этой области, начинавшаяся в СССР в 30-е годы.

Сведения об испытаниях в Германии новых образцов реактивного оружия с управляемым наведением удручали еще больше. В поисках выхода из создавшегося положения Верховный Главнокомандующий, он же председатель

ГКО и Генеральный секретарь ВКП(б), дал указание специалистам обсудить назревшую проблему³⁰.

В марте 1943 г. в отделе электропромышленности ЦК ВКП(б) состоялась серия совещаний, в которых участвовали ответственные работники Госплана СССР, наркоматов вооружения, электротехнической, авиационной и судостроительной промышленности, главного артиллерийского управления наркомата обороны и радиозавода-института наркомата электропромышленности. Было принято решение о необходимости координации деятельности оборонных заводов и ряда радиозаводов для выпуска радиолокационной аппаратуры. 4 июня 1943 г. при ГКО был создан совет по радиолокации. Его председателем стал Г.М. Маленков, заместителем — А.И. Берг, который и осуществлял каждодневное научное и организационное руководство новой отраслью. (До октября 1944 г. он оставался и в должности заместителя наркома электропромышленности СССР.)³¹

Опыт, накопленный советом по радиолокации, в котором основная тяжесть работы выпала на долю А.И. Берга, А.И. Шокина (позднее министра электронной промышленности СССР), А.Н. Щукина, Ю.Б. Кобзарева и Г.А. Ухра, имел принципиально важное значение для понимания роли новой отрасли как в развитии новейшей военной техники, так и в формировании структуры советского ВПК.

И все же наиболее серьезные сдвиги в развитии радиолокации произошли лишь в ходе изучения и использования трофейной техники, в большом количестве вывезенной из Германии в СССР в начале 1945 г. В марте того же года нарком электропромышленности СССР И.Г. Кабанов и командующий войсками 1-го Украинского фронта маршал И.С. Конев получили распоряжение ГКО демонтировать три крупных радиовакуумных завода, расположенных в Германии и Польше. Вскоре последовали очередные постановления, подписанные Сталиным, и обширный комплекс первоклассного оборудования, специальных стендов, материалов, полуфабрикатов, документов был доставлен в Советский Союз (в Москву, Ленинград, Харьков, Новосибирск, Томск, Воронеж, Калугу и т. д.)³².

Положительно оценив развернувшуюся под руководством А.И. Берга работу, Сталин дал указание расширить

программу освоения средств радиолокации и оснащения ими вооруженных сил. 10 мая 1945 г. ГКО издал постановление, нацелившее наркомат вооружения на создание производственной базы для комплексного проектирования и изготовления советских радиолокаторных станций. На организацию этой работы было выделено 950 тыс. долларов (стоимость трофейной аппаратуры и документов в эту сумму, разумеется, не входила)³³.

Как уже говорилось, в системе наркомата вооружения было организовано 4-е главное управление (радиолокационное), которому подчинялись выделенные для этой цели предприятия и центральное конструкторское бюро (ЦКБ-20). По плану 1946—1950 гг. товарная продукция нового главного управления ежегодно должна была почти удваиваться и в 1950 г. превысить уровень 1946 г. в 11 раз. Особое внимание уделялось радиолокационным станциям, выпуск которых также намечалось увеличить в 10—11 раз³⁴.

Так в пору конверсии, восстановления народного хозяйства министерство вооружения быстро наращивало темпы строительства и реконструкции заводов, предназначенных для выпуска новейших радиолокационных средств управления зенитным огнем, обнаружения самолетов и кораблей, а также для других военных объектов.

Большое значение для развития советской радиолокации имело тщательное ознакомление с высокоразвитой немецкой радиотехнической промышленностью непосредственно в Германии, изучение с помощью немецких специалистов научно-технической документации и технологии производства ведущих электротехнических фирм Сименс, Телефункен и др.

На территории Восточной Германии был создан филиал ЦКБ-20, в котором велись научно-исследовательские работы по электровакуумной технике, изоляционным материалам и радиодеталям. В Лейпциге советские и немецкие специалисты на заводе, включенном в счет репараций, совместно работали. Работы созданного здесь проектно-технического бюро оказались высокоэффективными.

Предпринятые усилия увенчались успехом. Осенью 1945 г. благодаря усилиям советских исследователей бомбардировочная авиация была оснащена новейшими приборами, которые предупреждали летчиков о возможном

обнаружении противником. Войска связи и наркомата госбезопасности получили в свое распоряжение уникальные приборы, в том числе радиоразведывательные установки для подслушивания, звукозаписывающую аппаратуру и т. д. В этих условиях нарком госбезопасности Меркулов, ведомство которого переживало техническую революцию, становился одним из наиболее информированных в государстве лицом: в его руках оказались оборудование и наследство тайных подразделений СС и абвера. Сталин был доволен — по его рекомендации А.И. Берга в 1946 г. избрали действительным членом Академии наук СССР.

Одновременно правительство СССР сочло целесообразным дополнительно закупить оборудование в США, для чего из резервного фонда было выделено еще 200 тыс. долларов (деньги по тем временам значительные). Тогда же был утвержден план строительства трех новых заводов по производству радиолокационных систем и приборов (в Новосибирске, Челябинске и Ижевске)³⁵.

В июне 1947 г. совет по радиолокации был преобразован в спецкомитет № 3, или в комитет по радиолокации при СМ СССР; его возглавил председатель Госплана М.З. Сабуров. Как и прежде, мозговым центром отрасли оставался академик А.И. Берг, в непосредственном ведении которого находился головной институт ЦНИИ-108³⁶.

Таким образом, в первые послевоенные годы, официально проходившие в СССР под знаком восстановления экономики на путях мирного строительства, были сформированы три комитета особого назначения, подвластные только Политбюро ЦК ВКП(б), точнее говоря Сталину. Первый, возникший в августе 1945 г., ведал созданием ядерного оружия. Второй, действовавший с весны 1946 г., занимался ракетной техникой; третий, созданный летом 1947 г., — радиолокацией, системами противовоздушной и противоракетной обороны. Все они считались сверхсекретными, создавались и действовали под покровом государственной тайны, малейшее нарушение которой каралось законом. Последнее оговаривалось в документах при зачислении на работу и подкреплялось личной подписью каждого «вольноработного», будь то крупный ученый или рядовой слесарь, генерал или работник охраны.

Этим комитетам подчинялись крупнейшие министерства и ведомства, научные и строительные организации, сотни тысяч, а потом и миллионы служащих и рабочих, военных и гражданских лиц. Но ни перед местными, ни перед республиканскими и всесоюзными органами власти они не отчитывались. Ни в одной из стенограмм заседаний Верховного Совета СССР нет ни строчки об их деятельности; отсутствуют даже упоминания об их существовании, но именно эти ведомства играли решающую роль в упрочении военной мощи СССР. Именно поэтому (и порознь и вместе взятые) они подчинялись непосредственно Сталину. Он был их богом и начальником; его слова считались законом. Да и возникли они по его указанию. Последовательность их появления отражала характер и природу строя, который назывался советским.

Не секрет, что людей, всерьез разбиравшихся в тайных атома и реактивной техники, в начале 40-х годов было очень мало, особенно в высшем эшелоне партийно-государственной номенклатуры СССР. Куда проще был, например, механизм прибора, улавливающего шум приближающегося самолета или даже механизм отражения радиоволн. Здесь все было наглядно. В этом была одна из важнейших причин, объясняющих внимание Сталина к радарам и возникновение соответствующего совета в начале 1943 г.

Более сложным оказался путь к осознанию значимости и перспектив сначала атомного, а потом и ракетного оружия. Хиросима и Нагасаки, а не письма и просьбы ученых ускорили создание секретнейших структур для обеспечения военного могущества Сталина. В свою очередь, их опыт был использован в преобразовании совета по радиолокации, с весьма ограниченными функциями, в спецкомитет № 3, оснащенный правами и властью на уровне созданных ранее спецкомитетов № 1 и № 2.

Названные спецкомитеты являлись беспрецедентными в истории науки и техники объединениями как по творческой мощи, так и по возможностям ее реализации. Всесильный госаппарат облакал выводы ученых в директивные постановления, обязательные для немедленного осуществления. Путь от замысла до воплощения был поразительно быстрым. Это порождало у многих теорети-

ков, конструкторов, инженеров ощущение своего всеислия. В 90-е годы, оценивая работу легендарного СП и его соратников (т. е. Королева и совета главных конструкторов, возглавляемого Сергеем Павловичем), член-корреспондент РАН Б.Е. Черток пишет: «Авторитет этого совета как межведомственного не административного, а научно-технического руководства во всей нашей деятельности имел решающее значение.

Несмотря на жестокий тоталитарный государственный режим в нашей области деятельности, да, пожалуй, также у атомщиков и радиолокаторщиков, сложилась своеобразная форма управления, которую можно назвать технократической.

Технократия в лице ученых, главных конструкторов, инженеров, руководителей до поры до времени фактически не была подвластна капризам партийно-государственной бюрократической иерархии»³⁷.

О каком времени рассказывает выдающийся ракетчик? О правлении Сталина? О десятилетии Хрущева? Ошибочность взглядов Чертока, его ностальгию легко понять — ведь он вспоминает свою неповторимую молодость, когда все затмил успешный штурм космоса и полет Гагарина. Но именно тогда испытывалось водородное оружие, состоялся взрыв небывалой по мощности бомбы в районе Новой Земли. Сейсмические приборы разных стран мира то и дело фиксировали толчки, вызванные подземными испытаниями на Семипалатинском полигоне в Казахстане.

Несколько ранее, в 1954 г., под Оренбургом состоялись секретные военные учения, в ходе которых большая группа солдат и офицеров пересекала эпицентр только что произведенного взрыва... Последствия этого эксперимента были ужасны. Они вызвали протест отдельных ученых, хорошо знавших о том, как пагубно сказываются на людях и окружающей природе запуски ракет с близрасположенных полигонов. Однако верх брали иные настроения. Подавляющее большинство ученых, конструкторов, рабочих, военнослужащих, работавших на предприятиях, в учреждениях, организациях, подведомственных трем спецкомитетам, одобряли и поддерживали официальную политику, выражалась ли она в решениях партии и правительства или в секретных приказах служебного назначения.

По сей день мы точно не знаем численности работавших в закрытых городах, в так называемых номерных организациях, в целом в отраслях, крепивших военную мощь СССР. Но не подлежит сомнению неуклонная тенденция к увеличению этой многомиллионной массы населения.

С конца 40-х годов расширялась и география военного производства. Согласно постановлению Совета Министров от 2 августа 1948 г. для дублирования работ по реактивному вооружению в восточных районах СССР началось строительство специального КБ и опытного производства. В 1949 г. в Крыму и в Астраханской области развернулось строительство множества НИИ, лабораторий, заводов в дополнение к десяткам уже имевшихся секретных учреждений в Москве, Ленинграде, в их пригородах. Арсенал оружия все более сдвигался на Урал, в Западную Сибирь, Казахстан и т. д. Правительство финансировало и снабжало дублеров рабочей силой, а также оборудованием и приборами, в том числе за счет репарационных поставок, в первую очередь.

При сооружении новых объектов возникали гиганты военно-строительной индустрии — министерство строительства предприятий тяжелой индустрии, министерство строительства предприятий машиностроения и т. д. Большинство объектов возводилось военными строителями. В первые послевоенные годы широко использовался труд на стройках заключенных, в том числе военнопленных. Основными центрами строительных работ стали Челябинск, Свердловск, Новосибирск, Саратов, Томск и другие города³⁸.

Одновременно продолжалась милитаризация формально невоенных отраслей и производств. Возрождались существовавшие в довоенные годы спецзаказы, специфинансирование, строительство спеццехов на гражданских предприятиях, постепенно менявших свое назначение. К примеру, на производство ракетного оружия ориентировались завод «Уралхиммаш» министерства машиностроения и приборостроения, Новокраматорский завод минтяжмаша и т. п.

В начале 50-х годов обширные районы на востоке СССР превращались в сферу деятельности ВПК, строю

засекреченную и, как правило, оторванную от внешнего мира. Тем самым нарастали масштабы раскола советского общества на две части — открытую и секретную. Это деление, естественно, не соответствовало официальной социальной структуре советского общества, которое считалось однородным.

В это же время в руководстве ВПК усиливалось значение военных. Их роль в раскручивании механизма гонки вооружений неизбежно возрастала по мере создания и распространения новейших видов оружия массового поражения, принятия их на вооружение армии. С этим, судя по всему, была связана частичная реорганизация управления военными отраслями. В 1949 г. были ликвидированы спецкомитеты при Совете Министров, вместо них создано Бюро по военным и военно-промышленным вопросам во главе с Н.А. Булганиным (однако преувеличивать роль этой фигуры в принятии политических решений, как мы уже подчеркивали, не следует). Все больший вес приобретали чисто военные ведомства, прежде всего министерство вооруженных сил, возглавляемое Устиновым. 29 августа 1949 г. почти все сотрудники спецкомитета № 2 были переведены в 4-е управление этого министерства и составили его костяк. Возглавил управление профессиональный военный генерал-полковник артиллерии М.И. Неделин, будущий первый главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения. Все работники бывшего комитета, независимо от наличия у них какой-либо военной квалификации, получили соответствующие звания.

Мощным стимулом усиления роли военных стало нарастание конфронтации двух систем, что проявилось в ходе Берлинских кризисов конца 40-х годов и особенно в Корейской войне (1950—1953). В 1955 г., т. е. через шесть лет после возникновения НАТО, СССР и его союзники создали в Европе организацию аналогичного типа — Варшавский Договор. Однако в ту пору обе стороны понимали, что их арсеналы не позволяют им вести глобальную ядерную войну.

Тем не менее в штабах вооруженных сил США и СССР продолжали энергично (и не слишком скрыто от общественности) разрабатываться планы нападения на противника с применением ядерного оружия. Американ-

цы при этом в основном полагались на дальнюю авиацию как главное средство доставки ядерного оружия. В СССР ставка делалась на баллистические ракеты, которые в случае необходимости могли доставить атомные заряды для поражения военных объектов как в Западной Европе, так и в США.

Запросы военных ведомств росли лавинообразно. Первый комплекс с ракетой Р-1 (дальность ее полета достигала 270 км) был принят на вооружение Советской Армии решением правительства от 28 ноября 1950 г. Промышленность передала тогда военным 18 ракет. По расчетам военных специалистов, на первый год войны их требовалось несколько тысяч.

Разгоравшиеся аппетиты нашли поддержку Сталина. Вопросы первоочередного развития ракетно-ядерного комплекса были рассмотрены на очередной встрече вождя с лидерами ВПК в июле 1949 г. (присутствовали командующий артиллерией вооруженных сил страны Н.Н. Воронов, министр вооружения Д.Ф. Устинов, заместитель министра вооруженных сил Н.Д. Яковлев, начальник главного артиллерийского управления М.И. Неделин, руководители ракетной и атомной программы). Ракетно-ядерная отрасль вновь была признана приоритетной, требующей неограниченных вложений и усилий в стратегической гонке за Америкой.

Уйдя из жизни, Сталин оставил наследникам (да и всем соотечественникам) много вопросов и загадок. Незадолго до смерти он опубликовал работу «Экономические проблемы социализма в СССР», датированную началом 1952 г. Изданная огромным тиражом, она быстро разошлась. Иначе и быть не могло: советская общественность искренне воспринимала каждое слово генералиссимуса как руководство к действию, как важнейшее достижение научного коммунизма. Если верить газетам и журналам начала 50-х годов, именно так советский народ воспринял и названную работу. Однако в архивных документах и в памяти многих ветеранов сохранилось и иное.

Определенное сомнение вызывал не столько тезис Сталина об углублении кризиса мировой капиталистической системы, сколько утверждение, что «ни одна капиталистическая страна не могла бы оказать такой действи-

тельной и техничеки квалифицированной помощи народно-демократическим странам, которую оказывает им Советский Союз». Помощь со стороны СССР, по мнению вождя, «является максимально дешевой и техничеки превосходной». Столь же бездоказательным был вывод: «Нигде так охотно не применяются машины, как в СССР, ибо машины берегут труд обществу и облегчают труд рабочих».

Сталин вновь говорил о неизбежности войн между капиталистическими странами. Он даже подверг критике собственное суждение об относительной стабильности рынков в период общего кризиса капитализма, высказанное до второй мировой войны. Заодно был отвергнут и тезис Ленина, который в 1916 г., говоря о загнивании капитализма, писал: «В целом капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде».

Все недостатки последней работы вождя очевидны. Гораздо важнее подчеркнуть, что Сталин публиковал свою работу, зная иные точки зрения, изложенные академиками Е.С. Варгой, П.Л. Капицей, С.Г. Струмилиным и другими авторитетными учеными. В повседневной жизни начинался новый этап развития производительных сил, вызванный достижениями науки и техники, открытиями в области генетики, применения математических методов в экономике, создания химии полимеров, наконец, в сфере использования энергии, применения новейших вычислительных машин и автоматических линий.

Сталин игнорировал эти явления и качественные сдвиги, все более отчетливее характеризовавшие экономическое развитие Запада, главным образом США. Даже лексика его работы казалась старомодной. Во всяком случае, ни один из упомянутых нами терминов, ни одно из новейших для того времени направлений не были названы. И в этом была определенная логика. Оставаясь прагматиком, вождь концентрировал свое внимание на деятельности трех спецкомитетов. Ему казалось, что здесь все шло по плану, разумеется, архисекретному, и это было еще одним доводом не затрагивать данную тему.

Экономические проблемы социализма в СССР рассматривались односторонне, без должного понимания на-

чавшейся научно-технической революции. Главное подтверждение тому — конкретный ход развития советской экономики в 1945—1953 гг., проходивший под знаком милитаризации; все остальное отступало на задний план. Можно сказать, что в Советском Союзе в указанный период НТР была сведена к военно-технической революции.

Правда, в 1955 г. ЦК КПСС провел пленум, посвященный техническому прогрессу. В центре внимания оказался доклад Н.А. Булганина, в котором впервые говорилось об НТР. Но тенденция, набравшая силу при Сталине, не подверглась критике: курс на милитаризацию общества получил дополнительный импульс, что немедленно отразилось на деятельности ВПК.

По новому пятилетнему плану на 1951—1955 гг. на реконструкцию действовавших заводов и строительство новых намечалось выделить около 6,4 млрд рублей. Более того, в угоду формировавшемуся ВПК планы военного производства постоянно корректировались в сторону повышения. Так, в течение 1951—1952 гг. выросли затраты на организацию серийного производства ракет Р-1. Для налаживания их выпуска министерству вооружения дополнительно передавались автомобильный и шинный заводы, расположенные в Днепропетровске, форсированно строился завод под Златоустом.

Проект контрольных цифр на 1952 г. был увеличен. Намечалось активное развитие смежных отраслей промышленности, которые снабжали ракетное производство комплектующими изделиями, наземным оборудованием и материалами, а также строительство новых полигонов и баз хранения реактивного вооружения. Одновременно ширились и росли отрасли промышленности, связанные с производством ядерного оружия, и производства, оснащавшие вооруженные силы СССР радарными и всевозможными средствами радиолокации.

Быть может, самое удивительное заключается в том, что вопреки планам, плановой дисциплине, централизованному управлению и, как часто говорилось, железному руководству, перечисленные сферы народного хозяйства сплошь и рядом не состыковывались. Одни не знали, что делают другие. Порой и внутри, казалось бы монолитно, содружества ракетчиков или, скажем, атомщиков не

было должного взаимопонимания и единства. Тяжбы, подобные упоминаемой (генерала Устинова с московским партбоссом Поповым), были нередки и между ракетчиками такого ранга, как Королев и Чаломей. В таких случаях требовалось вмешательство Сталина, который, однако, отнюдь не всегда был заинтересован в единстве своих подчиненных. Более того, в рамках им же созданного режима вождь нуждался в определенном противостоянии и самостоятельности тех, кто неизменно хотели быть в своем деле первыми и даже монополистами.

Никто из борющихся за власть после смерти Сталина — будь то Маленков, Берия или Хрущев — уже не мог отказаться от гонки вооружений, от холодной войны. Все они оказались заложниками военно-промышленных структур советского общества, были вынуждены в той или иной мере опираться на них, искать у них поддержку.

Почти сразу после смерти вождя произошла очередная реорганизация управления оборонными отраслями, возросло количество военно-промышленных ведомств. 26 июня 1953 г. было учреждено знаменитое министерство среднего машиностроения — флагман секретной атомной империи СССР. Минсредмашу были переданы основные функции бывшего специального комитета. Постановлением Совета Министров от 9 июля 1953 г. ему передавались также основные подразделения главпромстроя МВД, в строительно-монтажных управлениях которого работали военные строители и заключенные. К концу 50-х годов закрытые объекты все чаще возводились военными строителями. Не менее существенным было и то, что по мере ликвидации ГУЛАГа намного увеличилась численность вольнонаемных, что меняло обстановку на стройках.

Первым министром среднего машиностроения был назначен известный государственный деятель инженер В.А. Малышев, заместителями — Б.Л. Ванников и бывший министр авиационной промышленности И.В. Хруничев. С 1957 по 1986 г. минсредмаш бессменно возглавлял Е.П. Славский. Все они были крупными организаторами промышленности, составлявшими влиятельную группу внутри ВПК. Их элитное положение среди других военных руководителей определялось исключительной важностью подведомственной им отрасли.

Тогда же для сосредоточения работ по ракетостроению и освоению космоса было создано министерство общего машиностроения. Это была еще одна приоритетная отрасль ВПК. Разумеется, в рамках советского ВПК общность государственных интересов прочно объединяла все отрасли. Тем не менее ведомства конкурировали друг с другом, боролись за приоритеты, выгодные заказы, чины, награды, применяя при этом не только дозволенные приемы.

В конечном счете эти столкновения имели свои традиции и были тесно связаны с борьбой за власть, происходившей и при жизни Сталина. На первый взгляд, такое явление было маловероятно. Но факты свидетельствуют, что за власть боролся прежде всего сам Сталин. Великий диктатор умело подбирал окружение и весьма искусно плел интриги, сталкивая между собой деятелей высшей номенклатуры, а порой и группировки. Так было в 30-е годы, когда прежние политические оппоненты сначала смирились со своим поражением, а потом оказались «врагами народа», были публично осуждены и приговорены к расстрелу.

Но бывало и другое. Так, противостояние Ворошилов — Тухачевский по сути дела не имело политической подоплеки. Нарком обороны был приверженцем догм времен гражданской войны и вместе со своими приближенными упорно отстаивал интересы «конников» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Его заместитель защищал иную линию развития Красной Армии, предвидя войну моторов, танковых соединений, десантных частей, появление радиолокации и ракетного оружия. Как известно, Сталин поддержал наркома, своего давнего друга.

Не боясь преувеличения, можно сказать, что столкновение Ворошилова с Тухачевским — это зародыш междуусобиц, преддверие противоречий, которые станут признаком формирования и существования советского ВПК во время холодной войны. Практика 40—50-х годов дает много примеров того, как руководители разных отраслей военной индустрии блюли свои интересы, хотя они и противоречили проводившейся официально политике. Едва ли не хрестоматийным стал рассказ о том, как Ю.Б. Харитон попросил Берия не увольнять научного сотрудника Альтшулера. Это случилось в разгар борьбы с космополитизмом. Маршал с

Лубянки жестко спросил: «Он вам очень нужен?» Руководитель атомного проекта твердо ответил: «Да». К всеобщему удивлению, вопрос был решен положительно.

Еще более рьяно в ту же пору и по тем же причинам защищал многих своих подчиненных Д.Ф. Устинов. Умело используя бюрократические процедуры, он переносил сроки аттестации ряда сотрудников, временно переводил их на другие объекты и в конце концов прикрывал своим именем большую группу ракетчиков, подвергавшихся остракизму. По меткому замечанию одного из спасенных, шеф сознательно нарушал указания, идущие свыше, во имя самих же верхов.

Ситуация не изменилась и с наступлением оттепели. Было бы наивно полагать, что устранение Берии и вывод из номенклатурных структур Молотова, Маленкова, Кагановича, а также менее известных соратников и последователей Сталина не отразились на составе руководства ВПК. Лишь в 1957—1958 гг. единоличным лидером стал Хрущев. Отныне все руководители военной отрасли, министерств, заводов, лабораторий назначались только с ведома ЦК. Это касалось и назначения начальников военных учебных заведений, полигонов, руководителей, имевших звание не ниже полковника. ЦК партии начал активнее вмешиваться в решение текущих хозяйственных вопросов, которые ранее оставались, как правило, прерогативой Совета Министров СССР, Госплана и военно-промышленных министерств. Все изменения в области вооружений оформлялись решениями ЦК и Совмина. В той или иной степени это тоже было отражением борьбы за власть, в которой больше всех преуспел Хрущев, ставший в 1958 г. не только первым секретарем ЦК КПСС, но и главой правительства.

Как и прежде, основное внимание уделялось ракетной области, особенно работам по созданию межконтинентальной баллистической ракеты. На основании докладной записки С.П. Королева, опиравшегося на расчеты инженера М.К. Тихонравова, 20 мая 1954 г. правительство приняло решение о разработке ракеты, способной «обеспечить поражение стратегических целей в любом военно-географическом районе земного шара» и вывести в космическое пространство искусственный спутник Земли³⁹.

Это давало возможность изменить стратегию холодной войны, позволяло Советскому Союзу вырваться вперед в соревновании с Америкой. Ради этой цели средств не жалели. Для проведения испытаний межконтинентальной ракеты потребовалось сооружение нового полигона, поскольку, по выражению Устинова, в Капустином Яре было уже «тесновато». В отличие от других «великихстроек коммунизма», о которых широко оповещалась советская и мировая общественность, колоссальное по своим масштабам строительство ракетно-космического полигона в Казахстане велось в обстановке строжайшей секретности.

Ракеты стали главным козырем Хрущева в противостоянии с Западом. Во время визита в Великобританию в 1956 г. он нарочито откровенно говорил о новых ракетах, которые появились на вооружении Советской Армии и могли «достать Англию»⁴⁰.

Таким образом, несмотря на официальные разговоры о мире и сокращении армии, Советский Союз все активнее участвовал в гонке вооружений, которая стала даже более масштабной, чем при жизни Сталина.

Запуск 4 октября 1957 г. первого искусственного спутника Земли взволновал все человечество, но особенно, пожалуй, население США, ибо был положен конец «заокеанской неуязвимости». Освоение космоса с самого начала велось в СССР при участии военных и в военных целях⁴¹. В записке Королева Устинову от 26 мая 1954 г. содержались наметки именно такого подхода к использованию космических аппаратов. Вскоре предложенный подход возобладал. Не случайно на первом этапе космических исследований в качестве ракетополетов и стартовых комплексов использовалась боевая ракетная техника. В начале 60-х годов на ее базе были созданы специальные ракеты-носители. Но миллионы советских граждан подобных деталей не знали. Спутник воспринимался как триумф советской науки и техники, он стал синонимом лучших достижений и «преимуществ социализма».

Еще большее ликование вызвал исторический полет Ю.А. Гагарина. Советские газеты, радио, телевидение стремились показать этот первопроходческий подвиг в неразрывной связи с победой революции 1917 г. Хрущев «обыг-

ривал» его и с военной точки зрения. В августе 1961 г. на приеме в Кремле в честь космонавта № 2 Г.С. Титова он заявил: «У нас нет 50- или 100-мегатонных бомб, у нас есть бомбы мощностью свыше 100 мегатонн. Мы вывели в космос Гагарина и Титова, но мы можем заменить их другим грузом и направить его в любое место на Земле»⁴².

Нетрудно догадаться, как использовали подобную риторику выразители интересов американского ВПК. Форсированное развитие отраслей военной промышленности США получало дополнительные возможности. В середине 50-х годов ракетостроение становится главным приоритетом и за океаном: с 1951 по 1959 г. на разработку и испытание баллистических ракет было израсходовано более 6 млрд долларов. С конца 50-х годов космическое пространство стало сферой самого острого соперничества между СССР и США. Здесь каждый шаг вперед отражал комплексные достижения каждой из стран, использовавших ракетную технику, успехи в атомном деле, радиолокации и других направлениях современной науки и производства.

Вплоть до Карибского кризиса, который поставил человечество на грань войны, гонка вооружений носила характер безудержного соревнования. Для СССР это была борьба за преодоление отставания от главного противника. Положение догоняющей стороны лихорадило советское государство и страну в целом, не говоря уже о том, что по логике преследования догоняющий должен был тратить на погоню больше сил, чем лидер. К тому же американцы имели технологические преимущества. Свидетельство тому — данные об инициативах в создании и развитии стратегических наступательных вооружений:

Атомная бомба: США — 1945 г., СССР — 1949 г.

Межконтинентальный бомбардировщик: США — 1948 г., СССР — 1955 г.

Водородная бомба: США — 1952 г., СССР — 1953 г.

Межконтинентальная баллистическая ракета: США — 1958 г., СССР — 1957 г.

Баллистические ракеты, запускаемые с подводных лодок: США — 1960 г., СССР — 1964 г.

Межконтинентальные баллистические ракеты на твердом топливе: США — 1962 г., СССР — 1966 г.

Осмысливая эти сведения, не следует забывать, что СССР отставал от США не только по степени технической оснащенности народного хозяйства, производительности труда, но и по продолжительности жизни, уровню материального благосостояния и т. д. Только к началу 60-х годов численность сельского населения СССР сравнялась с численностью городского населения. Аграрный сектор хронически отставал. Сфера образования, культуры финансировалась по остаточному принципу. Гонка вооружений тормозила социальный прогресс. Так, на 1951—1955 гг. план капитальных вложений только по министерству обороны был установлен в объеме 13 800 млн рублей, а фактическое выполнение составило 24 785 млн. На 1956—1960 гг. планом были предусмотрены вложения в 26 790 млн рублей (кроме того, на ракетное вооружение дополнительно выделялось 5 500 млн рублей).

Однако и после утверждения директив по пятилетнему плану ЦК КПСС и Совет Министров приняли ряд постановлений о наращивании производства ракет, строительстве аэродромов стратегической и дальней авиации, поэтому объемы вложений еще больше увеличивались. Например, в 1957 г. правительство дополнительно выделило 592 млн рублей сверх утвержденного годового плана. Для полноты картины отметим, что официальные расходы на оборону страны во второй половине 50-х годов составляли около 100 млн ежегодно⁴³.

В декабре 1959 г. был создан элитный вид вооруженных сил — ракетные войска стратегического назначения. Чтобы укомплектовать их техникой, в проекте заданий на 1960 г. предусматривался рост ракетного производства по сравнению с 1959 г. почти в два раза, а против контрольных цифр, утвержденных ЦК КПСС и Советом Министров на 1960 г. — в 3,3 раза. Вместе с тем намечалось уменьшить объем капитального строительства на 1960 г., прежде всего за счет сокращения строительства культурно-бытовых объектов, здравоохранения и жилья. Но даже такой ценой удовлетворить аппетиты ВПК было невозможно, поскольку они намного превышали возможности экономического потенциала страны. Заявка Минобороны на баллистические ракеты была удовлетворена в 1960 г. не полностью — 5 495 шт. против 1 509 произве-

денных в 1959 г., но по расчетам Госплана она могла быть выполнена только на 64 %.

При этом ВПК, фактические расходы на его содержание оставались «высшим секретом», главным образом для советских людей, которые оправдывали секретность соображениями национальной безопасности. Однако американцам в результате полетов самолетов-разведчиков У-2 и особенно после запуска спутников-шпионов на рубеже 50—60-х годов удалось получить довольно полную информацию о дислокации и функционировании советских ядерных объектов и ракетных баз. В итоге на Западе неоднократно печатались сведения о «себестоимости» советского ВПК. В СССР все выглядело иначе. Здесь истинные размеры военных расходов никогда не публиковались не только в открытой печати, но даже в статистических сборниках для служебного пользования. В доступных же народу стенограммах ежегодных сессий Верховного Совета СССР военные расходы неизменно составляли не более 18 % расходной части бюджета.

Хотя эти цифры существенно искажали действительность, в те годы они не подвергались сомнению. О подлинных расходах впервые стало известно с началом перестройки, а в 40—80-е годы даже ведущие специалисты, не говоря о «несекретной» части общества, не имели понятия о масштабах гонки вооружений. К тому же большинство советских людей, выросших за железным занавесом, почти свято верили в то, что написано в «Правде», и в то, о чем говорилось с трибун съездов и сессий.

Официальная пропаганда превозносила ракеты, спутники как самые яркие достижения социализма, признанные всем человечеством, и советские люди действительно гордились этим. Конечно, не следует забывать о народном скептицизме, который проявлялся в анекдотах и частушках, высмеивавших хвастовство Хрущева, партии, эйфорию, порожденную запусками спутников, ракет и т. п. И все же в первое послесталинское десятилетие, в период оттепели в изменившемся общественно-политическом климате преобладали ростки энтузиазма. Примечательно, что ухудшение материального положения в начале 60-х годов вызывало недовольство народа лидером страны, «Никитой», но не «военкой», которая разоряла народное хозяйство.

Можно сказать, что к началу 60-х годов в общих чертах сложились социально-политическая и экономическая структуры ВПК — сверху донизу, хотя в дальнейшем (особенно в 70-е годы) масштабы его деятельности расширились. Некоторые российские автономии, например Удмуртия, и области, как Горьковская, по производственному профилю и социальной структуре на 80—85 % стали военными. В политическом плане тайная власть ВПК достигла своего апогея именно в 70-е годы. Брежнев, официально занимавший все важнейшие посты в партии и государстве, был игрушкой в его руках. Наглядное подтверждение тому — ввод советских войск в Афганистан в 1979 г.

Уместен вопрос: почему после достижения стратегического паритета между СССР и США (а этот лозунг был ключевым для гонки вооружений в 50—60-е годы), состязание не прекратилось, а, напротив, набрало обороты? Ответ сомнений не вызывает: ВПК превратился в самодовлеющую суперструктуру внутри общества; в сферу ее деятельности так или иначе были втянуты все руководители страны, ставшие заложниками наращивания вооружений. Холодная война была самой благоприятной почвой этого процесса.

Ярким воплощением тайной власти ВПК может служить фигура Д.Ф. Устинова, который на волне военно-промышленной революции стал одним из самых влиятельных лиц в политическом руководстве страны. Выходец из рабочей семьи, инженер-специалист по морскому вооружению, с 1937 г. он — один из молодых выдвиженцев эпохи массовых репрессий — директор завода «Большевик», с июня 1941 г. — нарком вооружения. Воспоминания современников, работавших с ним в 50—60-е годы (да и мемуары самого маршала), рисуют несколько идеализированный образ. Однако сопоставление мемуаров с большим комплексом архивных документов дает возможность создать более объективную картину.

Безусловно, этот человек был одним из столпов ракетной техники, особенно на начальном этапе, когда многие руководители не верили в перспективность ракет. Текущая переписка министра показывает его огромную настойчивость и дотошность в отстаивании интересов министерства и его сотрудников: он буквально бомбардировал

вышестоящие инстанции просьбами и требованиями, стремясь обеспечить заводы оборудованием, рабочей силой, повышенной зарплатой, премиями, жильем и т. д.

С другой стороны, и проявить себя Устинов смог именно на волне создания ракетной техники. С огромным упорством и успехом он добивался новых ассигнований у всех советских лидеров — Сталина, Хрущева, особенно просто у Брежнева. Постепенно в его руках сосредоточилась исключительно большая власть. Как мы уже отмечали, он добился передачи ракетного дела в свой наркомат, затем руководил десятками правительственных комиссий, вплоть до могущественной Военно-промышленной комиссии (ВПК) при президиуме Совета Министров СССР, аббревиатура которой совпала с аббревиатурой термина «военно-промышленный комплекс». Военно-промышленная комиссия, пожалуй, наиболее ярко воплощала политическую силу и влияние ВПК. Достаточно сказать, что в 60—70-е годы ни одно сколько-нибудь важное решение по развитию оборонного комплекса не могло быть принято без ведома этой комиссии. Тем более показательно, что возглавлял ее Устинов, который прошел все ступени власти — от директора завода до члена Политбюро. Устинов правомерно воспринимается как символ советского ВПК.

Сила и влияние руководства ВПК определялись тем, что в условиях советского общества оно бесконтрольно использовало огромный экономический потенциал, труд многомиллионного населения страны, сознательно и энергично работавшего во имя укрепления «оборонного щита социализма». В результате в стране сформировалась своего рода рабочая аристократия, многомиллионная профессиональная элита, которая жила и трудилась в искусственных условиях закрытой секретной системы, специализации, льгот и преимуществ, недоступных другим социальным группам населения. Но именно за их счет она и существовала, подпитывая имперские амбиции ВПК.

Рассмотрение вопроса об имперских амбициях ВПК заслуживает особого внимания. До начала 90-х годов он был наименее освещенным в нашей исторической литературе: эта тема была важнейшей тайной военно-промышленного комплекса СССР, который активно участвовал едва ли не во всех конфликтах, если они могли осла-

бить или подорвать устои империализма. Проводить такую политику могла только очень сильная власть, способная систематически выделять громадные средства на военные расходы. Именно так вело себя советское правительство в первые послевоенные годы, когда сталинизм вышел за пределы одной страны. Проторенной дорогой шел и Хрущев.

Еще более энергично действовал Брежнев, в мирное время украсивший себя военным орденом «Победа» и ставший Маршалом Советского Союза. И хотя годы его правления нередко называют застойным периодом, к ВПК это ни в коей мере не относится. То же самое можно сказать и о последующих лидерах партийно-государственного аппарата, возглавлявших СССР до 1991 г. По подсчетам, выполненным специалистами в год распада второй сверхдержавы мира, военные расходы нашей страны за предшествовавшие четверть века превысили один триллион пятьсот миллиардов рублей (в ценах того времени).

Конечно, в СССР этого никто не знал. Официальная пропаганда, восхваляя советский образ жизни, трубила на весь мир о том, что «СССР — оплот мира и социализма». А «поборники мира» тем временем выполняли и перевыполняли планы по выпуску вооружений и военной техники, день и ночь строили танки и самолеты, ежемесячно запускали в космос 5—6 военных летательных аппаратов, ежегодно взрывали 15—20 атомных или водородных бомб и являлись крупнейшим продавцом оружия в мире. По данным американских экспертов, в разных странах мира к 1991 г. насчитывалось приблизительно 50 млн автоматов Калашникова и лишь около 8 млн единиц американской винтовки М-16.

Региональные войны и военные конфликты с применением обычных видов вооружений продолжают с конца второй мировой войны по настоящее время. В ряде случаев они являлись результатом военного противостояния США и СССР в любой точке земного шара. За время этих региональных войн к началу 1990 г. погибло 17 млн человек.

Советские руководители денно и нощно клялись в своем миролюбии, однако в действительности все было не так. Воинственность сталинского социализма даже после

смерти своего создателя внушала страх. Он пугал человечество бряцанием оружия и вмешательством во внутренние дела не только пограничных суверенных государств, но и далеких заморских стран.

Вспомним действия вооруженных сил СССР против ближайших соседей за «наши интересы» в мирные десятилетия.

1948 г. — осада Западного Берлина. Блокирование советскими войсками наземных транспортных связей между ФРГ и Западным Берлином;

1950—1953 гг. — война в Корее;

1953 г. — подавление советскими войсками восстания в столице ГДР;

1956 г. — подавление Советской Армией революции в Венгрии;

1961 г. — возведение в течение ночи 13 августа 29-километровой Берлинской стены. «Берлинский кризис»;

1962 г. — тайный ввоз советских межконтинентальных баллистических ракет с ядерными боеголовками на Кубу. Карибский кризис;

1967 г. — участие советских военных специалистов в «семидневной войне» Израиля с Египтом, Сирией, Иорданией;

1968 г. — вторжение войск СССР, ГДР, Польши, Венгрии, Болгарии в Чехословакию;

1979—1989 гг. — интервенция советских войск в Афганистане.

Десятилетняя афганская война официально называлась Кремлем временным пребыванием «ограниченного контингента» советских войск в дружественной стране: «оказывается», ее революционное правительство попросило оказать помощь афганскому народу, который пожелал освободиться от своих угнетателей и эксплуататоров. Средства массовой информации, разъясняя эту политику, связывали ее с необходимостью сорвать вмешательство Пентагона во внутренние дела южного соседа СССР.

Помня о трагедии афганской войны, важно подчеркнуть, что главными инициаторами и виновниками советского вторжения были Андропов и Устинов, руководители основных силовых ведомств того времени. Они без труда договорились с министром иностранных дел А.А. Громы-

ко; выдержать напор этой тройки членов Политбюро ЦК КПСС больной, одряхлевший Брежнев не мог. Так четыре человека приняли поразительно безответственное решение, ускорившее нарастание кризисных явлений в народном хозяйстве СССР, в жизни советского общества в целом.

Приведенные факты постепенно становились достоянием гласности только в 90-е годы (помогло рассекречивание бывших архивов КПСС и выступления в печати как политических деятелей, так и участников войны). Но и в 80-е годы по мере затягивания конфликта в народе росло понимание допущенных ошибок, даже провала не только внешнеполитических акций верхов, но и широко рекламируемых планов развития аграрного сектора, перевода народного хозяйства страны на рельсы интенсификации, резкого улучшения жилищных условий трудящихся и т. п.

Пожалуй, впервые пошатнулся авторитет советского ВПК. Напомним, это понятие в СССР тогда еще отсутствовало. Тем не менее об «оборонке» многие знали со школьной скамьи: причем связывали ее как с военной техникой, так и с запуском спутников, космических кораблей, появлением атомных судов, приборов ночного видения, новых реактивных лайнеров и т. п. Не являлось секретом и то, что лучшие в стране холодильники, телевизоры, кинокамеры, фотоаппараты и многие другие предметы ширпотреба выпускали закрытые предприятия или спеццеха, действовавшие на обычных заводах. В этом усматривались реальные резервы военного потенциала страны.

Тем не менее усиливалось и понимание того, что давний лозунг «Догнать и перегнать Америку» потерял свою значимость. На Луну высадились заокеанские астронавты, а не посланцы страны Советов, хотя Хрущев уверял, что первым на Луну ступит советский человек. Самолеты-шпионы США неоднократно летали над территорией СССР, и лишь один из них удалось сбить (в 1960 г.). Войны, побывавшие в Афганистане, знали, где оружие применяли против них моджахеда, кто поставял им ракеты «стингер» и прочие новинки. Становилось понятным, почему многие страны охотнее покупали оружие и боеприпасы с маркой «сделано в США».

Лицемерные сообщения и подцензурные статьи о событиях в Афганистане оставались нормой и после избрания М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС, и после XXVII съезда партии, на котором превозносились человеческий фактор и общечеловеческие ценности. Так, министерство обороны СССР сочло целесообразным опубликовать справку «Потери личного состава ограниченного контингента советских войск в республике Афганистан в период с 25 декабря 1979 г. по 15 февраля 1989 г.». В ней сухо констатировалось: «Всего убито, умерло от ран и болезней 13 830 человек, в том числе 1 979 офицеров (14,3 %); стали инвалидами 6 669 человек; находятся в розыске 330 человек; награждено орденами и медалями СССР более 200 тыс. человек, 71 из них стали Героями Советского Союза. Всего прошло через Афганистан 546 255 человек».

В условиях наступавшей гласности, «вывода ограниченного контингента» из Афганистана, массового возвращения домой молодых людей, одетых в форму, которая по сей день в народе называется «афганкой», поверить в достоверность приведенной выше справки было невозможно. Вскоре появились подсчеты, выполненные социологами, демографами и историками. Правда об Афганистане вышла на страницы газет, журналов, на экраны телевизоров. На наш взгляд, наиболее убедительно свои подсчеты обосновал В.Г. Первышин⁴⁴. Сопоставляя различные сведения, ученый принял во внимание соотношение убитых и раненых, численность боевых батальонов и контингент военных городков (их было 180). В его подсчеты вошли также данные о вспомогательных частях тыла (занимавшихся подвозом боеприпасов, горюче-смазочных материалов, ремонтно-технические мастерские, охранявших караваны, дороги, военные городки, батальоны, полки, дивизии, армии, госпитали и т. д.). В результате, полагает ученый, общая численность военнослужащих, ежегодно находившихся в Афганистане, была не менее 314 000 человек.

В целом за десять лет войны Афганистан прошли не менее 3 млн человек, из них 800 тыс. участвовали в боевых действиях. Наши общие потери составили не менее 460 тыс. человек, из них — 50 тыс. убитыми, 180 тыс. — ранеными (в том числе 100 тыс. подорвались на минах —

тяжелораненые, 1 000 пропали без вести), 230 тыс. переболели гепатитом, желтухой, брюшным тифом.

Нельзя не согласиться с Первышиным: вывод советских войск из Афганистана в феврале 1989 г. после десятилетней бессмысленной кровопролитной войны явился отражением общей технической, экономической, политической, идеологической, морально-нравственной слабости СССР, а не только результатом «нового мышления», как это задним числом пыталось представить руководство страны. С великодержавным, имперским мышлением, с навязчивой идеей распространения социализма во всем мире и наплевательским отношением к миллионам как своих, так и иностранных граждан, СССР никогда бы не ушел из Афганистана, будь у страны сила и мощь, даже если бы пришлось убить миллионы афганцев и потерять несколько сот тысяч советских солдат.

СССР был вынужден уйти из Афганистана, ибо не мог противопоставить всенародной партизанской борьбе афганского народа и американским ракетам «стингер» ни высокого морального духа советских солдат, не понимавших, за что они воюют, ни новейшего вооружения советских боевых самолетов и вертолетов. Советская военная техника оказалась слабее американской. ВПК, возглавляемый кремлевскими лидерами, создал сверхмилитаризированную экономику и тем самым разрушил мирную гражданскую экономику страны.

Этому способствовали не только известные всему миру военные операции с официальным участием вооруженных сил СССР, то ли в виде «освободительных походов», то ли в составе «ограниченного контингента войск». Советские «воины-интернационалисты», облачившись в штатское платье или надев форму «местных туземцев» (порой в перекрашенных танках и самолетах) принимали участие в боевых действиях в Северной Корее, Лаосе, Алжире, Египте, Йемене, Вьетнаме, Сирии, Камбодже, Бангладеш, Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Никарагуа, Гондурасе, Сальвадоре, на Кубе, в Боливии, Гренаде, т. е. более чем в двадцати странах Африки, Азии, Латинской Америки.

Газета «Красная звезда» 21 мая 1991 г. с разрешения министерства обороны СССР опубликовала «урезанный» список стран, в которых в боевых действиях участвовали

советские военнослужащие — «воины-интернационалисты». Добавив одну графу, где указан долг каждой страны Советскому Союзу за поставки военной техники и вооружений, мы получим следующую картину.

Страна	Время боя	Долг СССР (млрд долларов)
Северная Корея	июнь 1950 г. — июль 1953 г.	2,2
Лаос	1960—1963 гг. август 1964 г. — ноябрь 1968 г. ноябрь 1969 г. — декабрь 1970 г.	0,8
Египет	18 октября 1962 г. — 1 апреля 1963 г. 1 октября 1969 г. — 16 июня 1972 г. 5 октября 1973 г. — 1 апреля 1974 г.	1,7
Алжир	1962—1964 гг.	2,5
Йемен	18 октября 1962 г. — 1 апреля 1963 г.	1,0
Вьетнам	1 июля 1965 г. — 31 декабря 1974 г.	9,1
Сирия	5—13 июня 1967 г. 6—24 октября 1973 г.	6,7
Камбоджа	апрель 1970 г. — декабрь 1970 г.	0,7
Бангладеш	1972—1973 гг.	0,1
Ангола	ноябрь 1975 г. — 1979 г.	2,0
Мозамбик	1967—1969 гг. и ноябрь 1975 г. — ноябрь 1979 г.	0,8
Эфиопия	9 декабря 1977 г. — 30 ноября 1979 г.	2,8
Афганистан	апрель 1978 г. — май 1991 г.	3,0
Никарагуа	1980—1990 гг.	1,0

Не лишне напомнить еще об одном драматическом событии, которое произошло в последний год существования СССР. 2 августа 1990 г. Ирак за три часа захватил Кувейт, введя 120-тысячную оккупационную армию, оснащенную на 70 % советским оружием и боевой техникой. В Ираке в этой время находилось не менее четырех тысяч (!) советских военных специалистов, без помощи которых, по мнению американских военных, Ирак не мог бы захватить Кувейт.

17 января 1991 г. начались ответные действия сил антииракской коалиции. 28 февраля иракская армия, поте-

ряв более 180 тыс. военнослужащих, 4 000 танков, 1 850 бронетранспортеров, 2 100 артиллерийских орудий, безоговорочно капитулировала перед военной силой США и их союзников.

Среди трофеев, захваченных антииракской коалицией во главе с США, превалировали оружие и боетехника, приобретенные в СССР, но так и не оплаченные до сих пор. Впрочем, не выплатили свои долги и те страны, список которых опубликовала «Красная Звезда» еще в 1991 г.

«Бескорыстная идеологическая помощь», по данным министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе, выступившего на XXVIII съезде КПСС, составила только на военные поставки бывшим социалистическим странам и странам третьего мира с целью обратить их в коммунистическую веру 700 млрд рублей.

Подачки «нашим друзьям» в виде самолетов, танков, вертолетов, ракет, мин обошлись СССР слишком дорого. Данные, приведенные на XXVIII съезде КПСС, явно искажены. Египет, Сомали, Гана, Конго, Гренада, ненадолго избравшие «путь социалистической ориентации», вернулись к нормальному развитию. В феврале 1990 г. в результате всеобщих свободных выборов и поражения сандинистов на выборах и Никарагуа свернула с «нашего» пути.

Еще предстоит рассказать о том, как десятки тысяч советских военнослужащих, одетые в штатское платье, ставили мины, устраивали засады на дорогах многих стран третьего мира, считая, что они тем самым способствуют их национально-освободительной борьбе. Далеко не все из этих добровольцев вернулись на Родину здоровыми и невредимыми. Значительной части интернационалистов была уготована судьба «неизвестного солдата» с безымянной могилой в африканских джунглях, в песках Сахары или на Голанских высотах.

Приведем в этой связи сведения финансового управления министерства обороны СССР за 1989 г. На пенсионное содержание 1 млн 280 тыс. ветеранов вооруженных сил и участников войн выделялось 2,4 млрд рублей. Из числа этих ветеранов 832 тыс. человек получали пенсии за выслугу лет, 111 тыс. человек получали пенсии по инвалидности, среди них и те, кто «понюхал порошу за границей», и наконец, 239 тыс. человек получали пенсии по слу-

чаю потери кормильцев — «неизвестных солдат» с безымянными могилами.

Оставшиеся в живых «добровольцы по принуждению» дали компетентным органам подписку о неразглашении «государственной тайны» — о своих «командировках» в Сомали, Мозамбик, на Гренаду. Всю оставшуюся жизнь они должны были помалкивать о своих приключениях и обо всем, чему были свидетелями и участниками. Только 30 июня 1989 г. завеса секретности, окружавшая «воинов-интернационалистов», стала постепенно спадать: правительство приняло решение о распространении на них льгот и преимуществ, предусмотренных для участников Великой Отечественной войны и для военнослужащих, проходивших службу в Афганистане.

Последнюю четверть века своей истории Советский Союз был одним из крупнейших поставщиков оружия в мире. В начале 80-х годов СССР экспортировал 25 % всего вооружения и боевой техники, производимой в стране. Для сравнения добавим: в 1985 г. доля США в мировых поставках оружия составляла 27 %, Франции — 12 %, Великобритании — 5 %, Китая — 3 %; удельный вес советских поставок в начале 80-х годов достигал 40 %. Но западные экспортеры при этом зарабатывали баснословные суммы, а СССР за основную часть проданного оружия так ничего и не получил.

Анализ поставок продукции всеми промышленными отраслями (металлургическая, топливно-энергетическая, машиностроительная, военно-промышленная, химико-лесная, строительных материалов, легкой и пищевой промышленности) для военно-промышленного комплекса, военной науки, вооруженных сил, КГБ, МВД и расчетов общего объема затрат на военное производство показали, что в 1989 г. на оборону страны было направлено 485 млрд рублей. В тот год предприятия ВПК произвели товаров народного потребления (телевизоры, радиоприемники, магнитофоны и др.) на сумму 30 млрд рублей. Следовательно, промышленность расходовала на оборону 455 млрд рублей.

Прибавим к этой сумме расходов бюджетные централизованные затраты на военное строительство — не менее 10 млрд рублей и на военную науку — не менее 15 млрд рублей. Получаем, что общие военные расходы СССР (без

транспорта и связи) только за один год составили не менее 480 (455 + 10 + 15) млрд рублей.

Если верить специалистам из госкомстата СССР, которые утверждали, что в 1989 г. валовой национальный продукт составил 924 млрд рублей, а произведенный национальный доход равнялся 656 млрд рублей, то тогда расходы СССР «на оборону» достигли умопомрачительных цифр — 51,9 % от валового национального продукта или 73,1 % от производственного национального дохода. Все это и предопределило крах советской экономики, надорвавшейся от непосильных военных расходов.

Эта безумная гонка вооружений и безрассудная (точнее, преступная по отношению к своему народу) помощь всем и вся способствовали разорению страны, распаду СССР.

И.В. Быстрова, Г.Е. Рябов

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Онушкин В. «Атомный бизнес» американских монополий. М., 1960; Татищев С. За кулисами ракетно-ядерного бизнеса США. М., 1961.
- ² См.: Жучихин В.И. Первая атомная. Записки инженера-исследователя. М., 1993; Харитон Ю.Б., Смирнов Ю.Н. Мифы и реальность советского атомного проекта. Арзамас-16, 1994; Хрущев С.Н. Ракеты и кризисы. М., 1994; Вотинцев Ю.А. Неизвестные войска исчезнувшей сверхдержавы // Военно-историч. ж-л. 1993. № 8, 9; Губарев В.С., Ребров М.Ф., Мосин И.И. Бомба. М., 1993; Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М., 1995.
- ³ См.: Сталин И.В. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. М., 1947. С. 29.
- ⁴ См. подробнее: У истоков советского атомного проекта: роль разведки // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. № 3.
- ⁵ См.: Судоплатов П.А. Кремль и разведка. М., 1996.
- ⁶ Харитон Ю.Б., Смирнов Ю.Н. Указ. соч.
- ⁷ Атомщики России открываются стране и миру // Международная жизнь. 1994. № 6. С. 34, 136.

- ⁸ Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность. М., 1995. С. 37—39.
- ⁹ Атомщики России... С. 140.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 3703. Л. 29—35.
- ¹¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 134. Д. 248. Л. 23—25.
- ¹² Там же. Д. 243. Л. 194—196.
- ¹³ СССР и холодная война. М., 1995. С. 148, 156.
- ¹⁴ Holloway D. Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy 1939—1945. New Haven-London. 1994. P. 206—213.
- ¹⁵ Сахаров А.Д. Тревоги и надежда. М., 1990. С. 300.
- ¹⁶ Круглов А.К. Указ. соч. С. 26, 55, 95.
- ¹⁷ Славский Е.П. Когда страна стояла на плечах ядерных гигантов // Военно-историч. ж-л. 1993. № 9. С. 20.
- ¹⁸ Круглов А.К. Указ. соч. С. 32, 187.
- ¹⁹ См.: Аджубей А.И. Те десять лет. М., 1989. С. 212.
- ²⁰ См.: Жучихин В.И. Первая атомная. М., 1993. С. 22.
- ²¹ Российский государственный архив экономики. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 115516. Л. 124—125. Далее: РГАЭ; СССР и холодная война... С. 152.
- ²² См.: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 62. Л. 385—389.
- ²³ Из истории авиации и космонавтики. М., 1987. Вып. 54. С. 37—43.
- ²⁴ Кнышевский П.Н. Тайны германских репараций. М., 1994. С. 79—81.
- ²⁵ Голованов Я.К. Королев. Факты и мифы. М., 1994. С. 364—372.
- ²⁶ См. подробнее: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 134. Д. 248. Л. 39—70.
- ²⁷ Ощепков П.К. Жизнь и мечта. М., 1977. С. 67.
- ²⁸ Там же. С. 58—75.
- ²⁹ Лобанов М.М. Начало советской радиолокации. М., 1975. С. 251.
- ³⁰ Черток Б.Е. Ракеты и люди. М., 1995. С. 228.
- ³¹ РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 1020; РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 427. Л. 79, 83—84.
- ³² Там же. Ф. 345. Оп. 1. Д. 32. Л. 6.
- ³³ Кнышевский П.Н. Добыча. М., 1994. С. 79—91.
- ³⁴ РГАЭ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 30. Л. 83.
- ³⁵ Там же. Л. 83, 138.
- ³⁶ Там же. Л. 140.
- ³⁷ Черток Б.Е. Ракеты и люди. С. 73—74.
- ³⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1248, 1874, 2546.
- ³⁹ Ракетные войска стратегического назначения. М., 1992. С. 39—40.
- ⁴⁰ Мемуары Н.С. Хрущева // Вопросы истории. 1992. № 8—9. С. 78—79.

- ⁴¹ См. подробнее: Тарасенко М.В. Военные аспекты советской космонавтики. М., 1994.
- ⁴² Красная звезда. 1993. 25 сент.
- ⁴³ См.: Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва (первая сессия): Стеногр. отчет. М., 1954. С. 539–541; Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва (третья сессия). М., 1959. С. 690.
- ⁴⁴ Используется выступление В.Г. Первышина на заседании «круглого стола» «Локальные войны XX века: роль СССР» // Отечественная история. 1992. № 4. С. 28–30.

ГУЛАГ: ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ

Вошедшее в мировую историю четверть века назад понятие «ГУЛАГ» неразрывно связано с именем А.И. Солженицына. Благодаря писателю ГУЛАГ вошел в историю XX века как символ массового беззакония, каторжного труда, преступного нарушения прав человека, насильственной деформации российского общества. Солженицын на страницах «Архипелага ГУЛАГа» материализовал «слитный стон, предсмертный шепот миллионов, все невысказанные завещания погибших»¹, запечатлел страдания миллионов.

Задача современного историка одновременно проще и сложнее. Сегодня в его распоряжении огромный корпус ранее засекреченных документов, ему доступна обширная мемуарная литература, у него есть возможность сопоставить официальные сведения с воспоминаниями современников, причем не только узников ГУЛАГа, но и тех, кто их охранял, конвоировал, т. е. нес лагерную службу. Настало время ответить на вопросы, что же такое ГУЛАГ; кому и зачем он был нужен; кто и с какой целью проводил чудовищную по своей жестокости и масштабам политику репрессий; как удалось сделать невидимым этот огромный лагерный мир? Наконец, возникла настоятельная потребность показать, что же представлял собой ГУЛАГ как социальное явление, раскрыть его место и роль в жизни советского общества.

К концу отечественной войны история сталинского ГУЛАГа насчитывала полтора десятилетия. За этот период

СОДЕРЖАНИЕ

Создание соцлагеря	7
Нарастание конфронтации: план Маршалла, Берлинский кризис	53
Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов	90
Военно-промышленный комплекс СССР	150
ГУЛАГ: государство в государстве	209
1959 год. Расстрел в Темиртау	273
Последняя атака на русскую православную церковь.....	328
Золотой век номенклатуры.....	400
Возрождение рабочего движения в России. Вторая половина 80 — начало 90-х годов	445
Институциональная коррупция социалистической системы.....	508
Горбачев. Победа гласности и поражение перестройки	545
Конец утопии	575
О причинах саморазрушения СССР.....	595

Геополитические горизонты России.....	617
Непреодоленное прошлое. Вместо заключения	633
Хроника событий	658
Именной указатель	737
Сведения об авторах книги	758